

СМЕНА

5

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунок В. Орлова.

ЛЮБОВЬ МОЯ, КРАСАВИЦА...

Слова А. ЖАРОВА.

Музыка К. ЛИСТОВА.

Прошли дожди весенние.
Погодка — благодать.
Приято тихим вечерам
С базном помечтать...

Любовь моя! Красавица!
Цветок лесных полян!
Хотим тебе понравиться
И я и мой баин.

Я сам слова и музыку
Для песни подобрал
И возле дома девушки
Тихонько загрял:

Любовь моя! Красавица!
Маяк на берегу!
Ужель тебе понравиться
Я с песней не могу?

Закрыла окна девушки,
И слышен звонкий смех:
— Такую серенаду мне
Ты смог бы спеть при всех?

Любовь моя! Красавица!
С тобой мы в клуб пойдем,
Коль песня там понравится,
Споем ее вдовом!

Умеренно трепетно

про шли дожди ве... сен... ие. По...

года ка-да го, дать. При-ят-но ти хон-иे чиром са-а и ном, де-ни-тать... Ли-да-но я-ло.

са-а ица! ше том-лес-на пе-ли! Ху-ти-мут-бе по-ро-вич-ки-и, я-и мо-и ба-и-и.

[Для подтверждения] [Для окончания]

ти-те по-ра виль-си-и, я-и мо-и ба-и-и!

ff

mf rit.

На декабрьском Пленуме ЦК КПСС большое внимание было уделено женскому строительству. Сейчас на стройках насчитывается более 100 тысяч юношей и девушек. Они успешно овладевают строительными профессиями, осваивают передовой опыт. Принятые рабочие нормы показывают, что труд этой принесет радость людям. Хочется, чтобы все у тебя получалось, чтобы ты была лучше и красивее. Именно поэтому так любовно отнесся к своему труту маленькая Татьяна, будущая жильица одного из домов, строящихся в Лото-Западном районе столицы. Помимо этих девушек добрым словом все отдалочники, занятые строительством, были награждены. Их работы выполнены с большой щедрительностью, все здесь радует глаз!

Фото А. Моклецова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март. № 5. 1957 год.

Год
издания
34-й

Февральский ветер

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Ненавистное самодержавие свергнуто. В Петрограде, у Аничкова моста, народ снигает царские гербы.

12 марта исполняется сорок лет Февральной буржуазно-демократической революции в России. В 1917 году 27 февраля по старому стилю в Петрограде гнева смыла прогнивший самодержавный режим. Власть царизма была свергнута.

В результате этого переворота были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов.

Однако большинство из них оказалось в руках соглашателей — зеров и меньшевиков. Следуя за германо-британскими лидерами, Петроградский Совет сдал власть буржуазии. Образовано временное правительство, состоявшее из представителей буржуазии и обржившихся помещиков — «левых».

Левый, находившийся тогда в эмиграции, писал из Швейцарии партии и рабочему классу:

«Рабочий Петрограда! Учредите пролетарскую демократическую герояскую армию для продолжения войны против германской войны против царизма. Вы должны пропасти «удеса пролетарской и борьбы организаций, чтобы подготовить свою победу во второй раз революции».

Об этих исторических днях Февральной революции пишет один из тех, как рабочие и крестьяне свергли царизм и начали бороться за революцию социалистическую, рассказывающий о своем опыте в книге Аркадия Васильева «Смело, товарищи, в ногу». Ниже мы публикujemy отрывки из этой книги.

Благонамеренный российский обыватель мог возмущаться беспредельно. В сильнейшем Санкт-Петербурге (по-новому Петрограде) не стало хлеба.

Добро бы чего-нибудь другого: сушек, например, печеных — или — борук уж с ними! — пирожных.

А тут — хлеб! За простые рожаные надо посыпать присыпку с полукопейки.

Было же временно — стояли после обеда на стол швейцарский сыр. И кофе. Но нынешнее, ужасное, а настоящое бразильское или колумбийское. Без кофе, конечно, скучно, но хоть понятно, почему его нет: оказавшийся немецкий кайзер Вильгельм напустил во все моря и океаны своих подводных лодок. Они, говорят, так и ходят косяками, как селедки, и не дают прохода ни одному кораблю. Чуть заметят — сразу выпускают мину. Все помнят «Лузитанию». Пассажирский пароход, плыли на нем американцы, аmina, она не разбирает, нейтральную или нет, потому что этахую громадину. В «Русских ведомостях» про «Титаник» вспоминали, который еще в 1912 году затонул. Теперь, дескать, достоверно извест-

но, что «Титаник» логиб не оттого, что на ледяную гору наскочил, а от немецкой мины. Петербургским газетам верить трудно, а «Русским ведомостям» особенно. Если судить по газетным сообщениям, то на сегодняшний день в Германии, Австро-Венгрии и Турции не осталось ни одного жителя, кроме кайзера и султана. Все на войне перебыты. А война все идет. Третий год!

«Биржевые ведомости» разыскали не то в Кимрах, но в Костроме: стодухлетнего ветерана Ивана Анисимовича Чедракова. Поместили в январе 1916 года на самодовольном месте радостное предсказание о победоносном окончании войны и восстановлении святой надежды. Чертка с детьми кончились!

Весь год только тем и занимались, что союзников выручали. В самую мартовскую распутницу четыре русские армии начали наступление на немцев под Данцигом и у озера Неро. Сколько потерь понесено, знают только в одной ставке. А для чего все это затеяли? Надо было оттянуть немецкие полки из-под Вердена: тяжеловотом там приходилось французы. Недаром, посол ихней господин Мориц Паллеон по пять раз на день министру иностранных дел Сazonова наавещал.

В мае итальянцы худо пришлиось. Совсем одолели их австро-венгры под Трентино. Тут уж сам император Бакарин послал посла великого короля Англии, зачастии к Сазонову. В ставку к царю прикатил! «Спасать итальянцев надо, ваше величество!»

Спасли. Прежде всего, на подготовившись как следует, начали наступление на юго-западном фронте. Сорок пехотных и пятнадцать кавалерийских дивизий в дело включили. Взяли Луцк, заняли всю Буковину, разгромили четыре австро-германские армии.

Победа! Как бы не так! Опять генерала в ставке не стоялковались. Западный фронт в движение не привели и позволили неприятелю опомниться. Сколько русских душ загубили.

Наш солдатин на союзников кровь проливает, а они, по слухам, сепаратного мира ищут.

Слава Богу, в Англии вместо нерешительного премьер-министра Асквита пришел к власти Ллойд-Джордж. Этот будет познегрече. В Америке в президенты снова выбрали Вудро Вильсон. Он хоть и богоизбогатый, но, говорят, только для вида. «Лузитания» он немцам не забыл — того и гляди объявит тевтонам войну. Поскорее бы! Мы люди маленькие, не наше, понятно, дело распоряжения высшей власти осуждать, а все же сказать можно: «Не к чему было государю императору

верховным главнокомандующим становиться; видел бы в своем Цербере Смерть. Березовите дрова по утрам, играл в четные руки на фортепиано и Аничковой Вырубовой, а самое главное — утешал суправу свою Александру Федоровну от безысходной скорби. Нет в живых дорогое друга Григория Ефимовича Распутина. Охраняли, как высочайшую особу, и все-таки не уберегли.

Последний раз фильтры видели старца вечером 16 декабря 1916 года — вылезал из казенного военного автомобиля подъездом дома Юсупова. А потом, как в воду канул.

Так и искали и нашли действительно в воде. Либо же, как говорят, с завистью охал: здоров был Гришка, как овощной жеребец.

Говорят, циничными каламбурами. Тогда это

только вышло, три пули в спину всадили — он поклонялся малость и поднялся, и только

связанный нахлебался холодной воды и не выплыл.

А что происходит в высших сферах? Министры, как при Гришке, так и летят куриком. Бывало, до войны по нескольку лет на постах сидели. А сейчас? Не успеет в должность вступить, как уже готов высочайший раскрытие: «Высокое ценявшее вашу энергию и усердие, повелевало выйти в отставку».

А Государственнаядума?.. Александр Иванович Гумилев, Михаил Владимирович Родзянко и даже с сыром Бакарином Паллеоном переговариваются: «Как вы, господин император, если мы предложим, благоверному императору нашему кому-нибудь другому престол уступить? А иначе, господа, будь не вывшись... Его величество российский прогрессият к власти тянетесь. Тогда уж не только царю не учельть — многих недосчитаемся. Мы 1905 год не забыли, знаем, что на братчи-робочие способны: у них свои лозунги — «Фабрики нам, а землю крестьянам». Это, господи, хуже немцев. С Гинденбургом или с Людендорфом мы еще как-нибудь говоримся, а вот с господином Лениным никогда!»

Поглядите, что на Путятловском творится! В поганую поганку тоже тянутесь... И сенча наступает от застаски, и сенча наступает 23 февраля (по новому стилю 8 марта) тысячу тридцать в центр, на Невский, проплыши... праздничек свой спрятав — новоявленный Международный женский день. Бабы злы, как черти на городовых ходятся, в морду им плотят, а те только орут, а стрелять им стреляют: побаиваются.

А солдатики в обнимку с пугицковыми стоят. Что же это такое происходит? Царница со старшими детьми и с Аничковой Вырубовой каждодневно могилу дорогое друга горючи-

На сторону народа перешли солдаты и часть офицеров Волынского полка. Из казарм они отправились на Выборгскую сторону к своим братьям — рабочим.

По Невскому движется демонстрация женщин... Участницы ее несут транспарант: «Товарищи рабочие и солдаты, поддернем наши требования!».

ми слезами скрываются, а по Петербургу слух — Растиутин жив. Убит будто не он, а похожий на него трактирщик с Окты. Говорят, настоящий Григорий скрывается у графини Граббе и даже присутствовал на завтраке у князя Андронникова. Однако вместо Растиутина кандидат в царские советчики позвилился легион. Губернаторы, предводители дворянства, игумены и игумены одолевали предложением; то в Вологде, то в Сызрани, то в Нижнем Новгороде открывались стадии приведной жизни, изумительной склости. Каждый покровитель проповедал троице своего: «Наш виновник — Ваша губернатор — водку хлещет, а наш воспринимает одну святую воду».

И опять верноподданным, благочинным писца для пересудов:

— Смотрите, чем высшие власти занимаются! А в столице даже каросина не стало, А ценил Соль стоит вровень с сахаром. А за хлебом в «хвосты» у магазинов становятся целыми семьями.

* * *

В центральных полицейских частях — Адмиралтейской, Коломенской, Литейной — до рассвета горел свет. У подъездов дождались автомобили, без умолку трезвонили телефоны.

В министерстве внутренних дел у Чернышева мост свет горел весь день, не угасая: в суматохе позабыли погасить. Звенели телефоны, дежурили автомобили. У окон, выходящих на Фонтанку, наготове стояли пулеметы —

оставалось только приподнять на широкие, двухкирпичные подоконники, ткнуть тулым рымом в стекло — и веди огонь по мосту.

По приказу военного министра Беляева, согласованному со ставкой, Петроград выделен в самостоятельный военный округ. Командующий округом генерал Хабалов вместе с Протопоповым лично указали, где еще поставить пулеметы.

Пулеметы стояли по чердакам. На Невском в доме компании Эндер на башне городской думы, где гостили «Северные», на Московском вокзале. Пулеметы стояли на Большой Морской, в Главном штабе, на гостинице «Астория», в министерстве финансов и даже в министерстве просвещения.

На окраинах — за Невской и Нарвской заставами, на Выборгской стороне — полицейские части словно вымерли. Туда не только офицеры, а даже простые городовые не смеют показываться в форме.

...Сергей Иванович Семенов спать в эти дни приходился мало, но это все же хоть как-то удавалось ему сделать днем. Теперь это можно было делать без прежнего риска. Утром, выходя, тоже не нужно было оглядываться — не ждет ли за афишной тумбой «проповядатель». Дворники, и тот, встретя, уже не свистят постовому, а торопливо хватается за шапку: член черт не шутят, вдруг поднадзорного в Думу выберут!

На рассвете 24 февраля Наташа, жившая по приезду в Петроград у Семёновых, ушла за хлебом. Сергей Иванович сквозь сон слышал, как она сказала Веретенникову:

— Мы с Степаном Петровичем с вечера очредь заняли. Если к шести не приду — смири. Она вскоре вернулась и с порога крикнула:

— Хлеба не будет. Бабы лавки громят!

Сергей Иванович вскочил, оделся и побежал на улицу. От рынка на Огородного переулка доносились крики, звон разбивающихся стекол. Потом хлопнул выстрел, за ним другой. На встречу Сергею Ивановичу бежал человек в штатском. Заметив Семенова, он склонился с тротуара на мостовую. Сергей Иванович сразу узнал в нем помощника начальника сыскного отделения петроградской полицейской части Удалцова, приходившего с обыском к соседям.

Стой! — крикнул Сергей Иванович и бросился наперевес Удалцову.

Офицер перебежкал на другую сторону, торкнулся в корота, но они оказались запертими. Тогда, желая отдельться от неожиданного преследователя, Удалцов на ходу выстрелил в Сергея Ивановича, но не попал и остановился, подняв руку с револьвером. Второго выстрела ему сделала не пришедшая на помощь из аркоты женщина. Удалцов, поднявшись, сразу образовалась толпа. Пожилая работница в стеганой ватной теплойжке, с корзинкой все кричала на Удалцова:

— Он стрелял! Он Анну Горшкову ранил. Парни отдали Сергею Ивановичу отнятый у полицейского револьвер и две запасные обоймы с патронами. Он с радостью ощущал холодную сталь и все же спросил:

— Не жалко?

Парни ухмыльнулись и вытихнули из карманов наганы.

— Разжались!

Полицейского под охраной парней поволокли к проходной конторы завода, где еще с восходом солнца находило обозрение гогордов. Сергей Иванович пошел с толпой женщин на рынок. А там уже вскрипывали третий подвал. В первых двух женщины, предводительствуемые легко раненной солдаткой Анной Горшковой, обнаружили мешки с мукой. Анна, с перевязанной сицевским платком рукой, стоя у лука, считала выкидываемые на верх мешки.

— Сорок девятка — пятьдесят! — Носите, бабы, в ловкую. Самые толстые!

Быстро было начатый день прошел у Сергея Ивановича в необычных хлопотах, возникавших каждую минуту.

Путыновцы бастовали второй день, но в мастерских находилось около трех тысяч солдат, прикомандированных к заводу для работы. На предложение присоединиться к забастовке солдаты хмуро отвечали:

— Вам что, рассчитывают — и все, а нас под военный суд.

В полдень Сергей Иванович попал на Счастливую улицу, в дом, где происходило собрание большевиков. Когда он вошел, оратор, незнакомый ему человек в солдатской шинели без погона, говорил:

— Тогда солдаты на заводе, успокаиваясь начали:

Выскочил паренек и задорно крикнул:

— Надо электростанцию взорвать, турбины порушить! Тогда крышка! Все остановится, и солдаты уйдут: делать им будет нечего.

На паренка цинкнули:

— Дурак! А мы потом что делать будем?

Решали послать к солдатам делегацию большевиков, поговорить, может, послушают, уйдут с завода. Выбрали семью человек, в том числе и Сергея Ивановича.

Солдаты сами взялись за ум, выбрали свою депутатскую и послали ее к воинскому начальнику завода Фортунату проштрафить винтовки.

— Зачем вам винтовки? — подозрительно спросил Фортунат.

— Как зачем, ваше благородие? — удивился глава депутатии, солдат-большевик Эртман. — Нас сейчас при有趣的ают бастовать, а мы не хотим, будем отбиваться.

— Так я вам и поверил, — хмыкнул ответил Фортунат.

Часа через два в шрапнельной собрался солдатский митинг. Сергею Ивановичу долго говорить не пришлоось. Солдаты однозначно гром влезали на стены краинки: «Барахлить работу!» — мы призывали. Но начальство не показалось. Прибежал один Фортунат. Тот привнес что-то про военный суд, пригрозил всех отправить на фронт. Рабой солдат в разорванной шинели, с оторванным ластиком, без ремня поводил по полу всем воинским начальником огромным, испачканным в мазуте кулаком, потом сделал «дуло»,

— Видел, выше блогородие! Нас фронтом не испугать. Бывали. Теперь давай ты.

Через час все солдаты ушли с завода, разбрелись по квартирам своих друзей-матерей.

Утром 25 февраля рабочие посыпали всю заводскую охрану. В коробке посыпало рабочих и служащих. Помимо того что организовали большевизацию Временного революционного комитета. Около главных контрольных пунктов раздавали оружие. Его было много, Непонятно, откуда оно появилось. Василий Изюмов из турбинной мастерской деловито командовал раздачей, инструктировал командиров групп. Ему помогал грядущий солдат, тот самый, что в шрапнельной разогревался с Фортунатом. Хлястик у него был приятен, посыпал ему фамильный желтый ремень. На пальце красная полоска. Уже узнали его фамилию — Лазарев. Все время слышалось: «Товарищ Лазарев, а нам куда идти?»

Увидев Сергея Ивановича в ревизию, Лазарев:

— Я вас давно ищу, товарищ Семёнов. Мне сказали, что вы в пожарной охране работали. Помогите посты наметить!

Они вошли в заводской двор, необычно тихий, белоснежный. Не успели сделать и десяти шагов, как Сергея Ивановича окликнули посты из ревизии:

— Требуют!

Член ревизии большевик Алексеев передал Семёнову приказ немедленно явиться в районный комитет. Сергей Иванович забежал к себе предупредить: Веру. Но ее, как всегда, дома не оказалось: как ушла утром в университет, так и не вернулась. Зато Наташа встретила радостной вестью:

— Нашла Грушевский!

И погнали пересланное соседкой из Иваново-Вознесенска письмо от Груши.

«Драгоценная моя Наташенька», — писала Груши. — Снова еду по знакомой дороге, в Красноярск. Срок мой — пять лет каторги, но думается, что на этот раз я вернусь раньше: или сбегу, или обстрелят товарищи...»

— Правда обстрелят? — допытывалась Наташа. — Это ведь настоящая революция начальств! А вдруг, как в пятом году, опять сменят?

Наташа ни слова не промолвила о Степане, но Сергей Иванович понял ее состояние и уверенно сказал:

17 марта 1917 года. В Москве, на Красной площади, идет парад воссвиренных рабочих, а также предшествующий на сторону народа частей армии.

— Нет, на этот раз у них ничего не выйдет. Жди в первом временному гостинице.

В рабочий день пришел Сергей Иванович узнать, что на 28-е назначены выборы в Петроградский Совет рабочих депутатов. Но его вызвали не по этому делу. Член райкома Осип Смирнов, рабочий с Тентлевского химического завода, торопливо объяснил:

— Бери группу парней — и в Адмиралтейство. Поможете арестовать генералов. Потом иди в Таврический дворец. Петербургский комитет рекомендовал тела помощников комендента. Ути, комендантам там полковники Перетц. Но те эсеры, не то меньшевики. Поглядывай!

Дворцовый комендант Войков бежал осторожно вычеркнулся из списка больше половины фамилий. В Петроград из ставки разились все, а мест в царском и свитском поездах не хватало. Подполковник Юрасов Войков сначала тоже вычеркнулся, но потом, вспомнив, что он был помощником генерала Юрасова, а еще и специалист по сапам, надписал его фамилию красным карандашом.

Дежурный офицер у вагона свитского поезда, пропустив подполковника, строго остановил Яковова:

— Пропуск?

— Он со мной, — объяснил Юрасов.

— Нужен пропуск.

— Вы же видите, что это мой помощник. Если есть потребность восстановить связь? Я же без него как без рук.

— Давайте, быстрее, — смыслил офицер гнев на Якова. — Тогда пропуск, помашуйте.

Но бы предупредил, очевидно, ради формальности. Вагон был забит до отказа. Каждый офицер приватки с собой под видом ординарцев петербургских знатоков, наводнивших в конце года ставку.

Первыми в четыре часа утра ушел из Могилева императорский поезд. За них через час отправился свитский. С каждой verstой в поезд влезало все больше и больше слуг.

В Шкилове узнали, что войска в Петрограде переходят на сторону восставших. Все мости в руках рабочих.

В Орше начали рассказывать об аресте министров. К Юрасову прибежал его однокашник по академии генерального штаба Спасинский и, наклонившись к самому уху, зашептал:

— Зимний грабеж! Эрмитаж взорван! Горит окружной суд!

При этом было только одно: окружной суд действитель но горел.

В Смоленске узнали, что царский поезд встречали губернатор, предводитель дворянства, архиерей с соборным хором. Царь выходит из вагона, многих удостоил рукоположением, выстоял молебен. Звонко опять щедро снабдили слухами.

— Арестованы все министры. Взят Арсенал на Литейной. Организован какой-то комитет Государственной думы. Передавали даже состав комитета: Родзянко, Керенский, Шульгин, Милков, князь Лев...

Однако пришел новый, шептал в ухо:

— Лев это хорошо! Этому учили. И все же князь, а не беспардонный энтахрист.

В самую последнюю минуту перед отходом из Смоленска новая оглушительная весть:

— Образовался Совет рабочих и солдатских депутатов. Председателем избран член Государственной думы Чхенде, товарищами председателя — Керенский и Скобелев.

Юрасов поднялся этой новостью с Яковом.

— Ну как, Савватеев, что скажешь?

— Пока не разобрались, выше высокодолженное, — уклонился от прямого ответа Яков. У солдата был свой институт: Яков, Керенский, Чхенде, Гаврилов, Гаврилов, помощник Борисова и отведь в сторону, начальник рассказывал:

— Слышиш Генерал Иванова царя назначил командующими Петроградским округом. Да, говорят, ему такие права — может поднимать на воздух всю столицу. Тихоненок наш царек притворяется, а без драки власть не уступит. У нас, почитай.

— Что это?

— Ребята наши телеграмму для царицы в Вязьму перехватили.

Яков торопливо пробежал записанный синим карандашом текст:

«Выехали сегодня утром в путь. Мысленно всегда вместе. Великолепная погода. Надеюсь, чувствуете себя хорошо и спокойно. Много виц посыпано с fronта. Любящий нежно Нииника.»

— Понял, «Много войск послано с фронта». Мы эту телеграмму на всякий случай в Петербург передали, в Совет. Может, сядет...

Проехали Ржев, Торжок, Наконец Лихославль — вот она, прямая Николаевская дорога! Через несколько часов Бологое, а там к Петрограду.

В Лихославле прибежал перепуганный Спас-
кий без погонов и академического значка, подавленный новостью: в столице будто уже есть новое, временное правительство во главе с этим противным толстяком Родзянко. Но это еще полбеды — есть новости постраще: какой-то Бублик неизвестен член Государственной
думы, но то прогоны эвакуистов, разослан по всем дорогам, телеграммы с приказом не пускать царя в Петербург.

— А что? Возьмут да и не пустят?

— Царя, а не нас! — поспешил Юрасов.

Но Спасскому явно были не до шуток. Он
подбежал и не сказал, а выкрикнул:

— Не понимаю, подполковник, вашего тона.
Недостойно...

Юрасов тоже всхлипал:

— Прошу не забываться, капитан! Впрочем, я даже не знаю, что это значит: погоны снять
потребовано... И, позабыв, что он находится
не в кабинете у себя, а в вагоне, приказал:

Савватеев! Проводи их благородие.

Вышним Волочке нагнали императорский
поезд и встали рядом на соседнем пути. И тот-
час же раздалась команда:

— Из вагонов выходить!

Все припнули к окнам, старались рассмотреть, что происходит в царском поезде. Но он словно вымер: не видно ни души. Кто-то
тихо сказал:

— Его величество отдытает.

Яков, сидя в тамбуре, увидел: напротив, в
окне царского поезда, шевельнулась розовая
шелковая занавеска, потом ее отдернули, и стеклу приблизилось бородатое лицо. Яков
узнал лейб-медика Федорова, которого не раз
видел в ставке.

В тамбур вышел Юрасов.

— Не туда смотришь, Савватеев. Вот куда
смотри.

Яков чуть приоткрыл дверь. В коридоре
между двумя поездами стоял Николай II. Ра-
дом с ним, почтительно наклонив голову, внимательно слушал его лейб-медик Николай
Протасов. Яков, дожидаясь ладони снежинки,
потом снял фуражку, приглядел волосы.

Из-под вагона, словно из-под земли, вылез
офицер в форме конвойного его величества, зло
шлепнул Якова:

— Что, команды не слышал? Закрой!

От Вышнего Волочка первым отошел свит-
чий поезд. За ним пустили императорский.
В Бологом узнали, что впереди, в Любанях,

стоят войска с орудиями
и пулеметами и что им
дан приказ поезда дальше
не пропускать. В Малой
Вышнере сведения о
Любанях подтвердили
Узники и другие: гене-
рал Иванов в Петербург
не прорвался, застрял на
станции Вырица. Коман-
дующий Петроградским
военным округом мог
командовать только сво-
ими конвоями. И еще уз-
ники войска в Любани
столкнули с преградой. Петро-
градского Совета рабо-
чих и солдатских делега-
тов. Это было послера-
зжение телеграммы Буб-
ликова.

Была глубокая ночь,
но в поезде никто не
спал. Гадали: куда по-
едем? Прорываться в
Петроград или в Псков,
где находится штаб гене-
рала Рузского? Яков слы-
шал, как офицеры хва-
лили генерала:

— Умный, рассуди-
тельный и не даст импе-
ратора в обиду.

В третьем часу ночи
приподнялся императорский
поезд.

Войсков разбудил Нико-
лаевскую, доложил обста-
новку. Царь, сидя на
кровати в халате, без-
различно заявил:

— Ну, что ж, поедем-
те до ближайшего юза.

— Юз есть в Пскове,
ваше величество.

— Поедемте в Псков...

Пока созевались, связывались с Псковом и
к хвостовым вагонам привели паровозы,
прошло около двух часов. Начался мутный
рассвет. Поезд опять стоял рядом, но никто
уже не запрещал гулять между ними. Ордин-
нарек полковника Борисова отыскал Якова.

В Москве, у памятника А. С. Пушкину во время стихийного митинга. Звучат слова: «Товарищ, верь: взойдет она, звезда блестительного счастья...»

— Твой подполковник что думает делать?
В Питер ехать или в Псков?

— Ничего не говори.
— А ты узнал. Мой хочет с царем до по-
следнего, а мне это ни к чему. Я в Питер
хочу.

Поехали назад к Бологому. Затем свернули
с прямой Николаевской дороги на второсте-
пенную линию: Мельхиор станции: Валдай,
Лычково, Марфин, Старая Русса... Никто уж
из губернских властей царский поезд не
встречал. Только урядники торчали на плат-
формах.

В Дно прибыли к шести вечера. Кто-то по-
шипел: «Давайте ехать некуда, спустись на
самое Дно». Герцкая шутка облетела весь
поезд. Поручик Олифер, задорный, как моло-
дой петух, вылез на дулу поручика Плавско-
го, повторившего при нем эту шутку.

— Я не позволю в моих присутствии!

Разгоравшийся скандал погасли, уголовия
отложили поединок до приезда в Петроград.

Здесь же, в Дно, услышали: в Петрограде
арестован военный министр Беляев, сожгли
дом Фредерика.

О Дно до Пскова ехали без остановок, словно в салоне, в старинном русском городе, жда-
ло избавление от всех горестей.

В Пскове от прислуги императорского по-
езда узнали, что царю доставлена куча телегра-
ммы: от великого князя Николая Николаевича,
начальника штаба Алексеева, генерала Бру-
силова, Эверта, Сахарова. Все просят отречься
от престола и передать его наследнику при
рентгене великого князя Михаила.

Дворецкий крикнул: Всемирные выходят
из вагона, а царь опять гуляет между по-
ездами, как будто ничего особенного не про-
исходило. Яков слыхал, как Юрасов говорил
соседу-офицеру:

— Ничего не понимаю. Или он бездушный
манекен или...

Всеверу разнеслось: приехали уполномо-
ченные Временного правительства — Гучков и
Шульгин. В сопровождении Фредерика и фли-
гель-адъютанта Нарышкина прошли в царский
вагон. Вскоре за ними вошел генерал Рузский.

Москва. Студенты, выполняющие обязанности народной милиции, ведут арестованных жандармов. Последние уже успели скинуть свои мундиры и одеться «под народ».

В свитском поезде разговаривали шепотом, как говорят в доме, где лежит покойник. Прощал час, второй. Никто из царского вагона не выходил. У дверей неотлучно находились: лейб-медики Федоров, Воецков, герцог Лейтенбергский и гофмаршал Долгоруков.

Прошел еще час. Гумкин и Шульгин вышли и начали прохаживаться вдоль поезда, перебрасываясь редкими фразами. На них смотрели с любопытством.

Наконец в вагон вошел казачий полковник Башинский. Молча начал скобывать свои вещи. Кто-то спросил:

— Что нового, полковник?

Башинский ответил одним словом, которого ждали, и все же оно поразило:

— Отрекся.

Утром императорский поезд ушел в Могилев, в ставку. Проводив его, Юрасов вернулся в вагон.

— Собирайся, Савватеев. Поедем в Петроград.

Яков быстро вынес чемодан подполковника. Они долго добирались до теплушек, забитой офицерами. По дороге Яков, остановившихся переоформлять, спросил:

— Может, теперь ваше высокоблагородие, пожалеет с нами, замирись?

— Я теперь, Савватеев, уже не выше высокоблагородие. Отменено! Разрешено называть меня простым: господин подполковник. А начнет войны ты не прав. Мы теперь нашу свободную Россию немцам на поругание не отадим...

Степан Важеватов в 1916 году трижды сидел в карцере — два раза за претензионство с начальником тюрьмы Кобляковым и за то, что назвал ненавистного всем заключенными врача Сущева скучным сыном. Каждый раз, попадая в темный, холодный карцер, Степан жалел лишь об одном: нельзя читать. Как ни слаб в 1917 году речь в «Короновщике», Степан знал, что если попадет в карцер за попытку уговорить утопию, убирающую его камеры, принести газету.

Пройдя под конвоями трех надзирателей и знамок здешней двери карцера, Степан привычно остановился. Надзиратель tolkнул его в спину:

— Не сиди!

И его повели по узенькой лестнице еще ниже, в сводчатый коридор, по которому тянулись трубы и провода. Заскрипела железная дверь, и Степан в辚нулся в густую темноту. Он протянул руки, сразу напотянулся на скользкую стену и вспомнил, как покойный большевик Алевшин рассказывал ему о каменном гробе.

— Всё попало! — вслух сказал Степан. — Ну что я будем сидеть?

Но сесть по-обычному не пришлось: ногам не хватило места.

— Ну, Степан Ильич, — обратился к себе, как к собеседнику, сказал Важеватов — давай думать, что будем делать. Как только банду к ужину принесут, поешь и спи сразу. Немедленно, без всяких разговоров. Утром до кипятку: «На место, шагом марш!» После кипятку читай стихи, потом опять: «Шагом марш!» А там способы чего-нибудь, а затем подумаем: Только, брат, не рассосупливайся. Спокойнее. Степан Ильич, спокойней.

Вскоре надзиратель, просунув в дверь миску с беланкой и куском хлеба, сказал:

— Ступай в городке твориться!. Городовых блюют с фабричными в окнами ходят...

— Врешь!

Надзиратель захлопнул дверь. Степан забарабанил в нее. Отбил все кулачи, стучал ногами — никто к нему больше не пришел. И только утром открылась дверь:

— Выходи!

Когда проходили коридором первого этажа, Степан жадно вслушивался в крики, доносившиеся из камер. Всегда гудела от шума.

На втором этаже Важеватов услышал, как в коридоре девятой камеры пели: «Смело, товарищи, в ногу...»

Надзиратель, не тот, что приходил вчера в карцер, а другой, старик, торопился, подгонял Степана.

— Быстрее, быстрее.

Вот и его сто восемь. Надзиратель гремит ключами.

— Да скажите вы что-нибудь! Почему такой шум стоит?

— Да входит.

Хлопнула дверь. Опять один. Постучал в обе стены — молчат. Пустые, значит, камеры.

— Ах, дьяволы! Что же там в городе?

В коридоре послышалась крик: «Куда ты его привел? В кантонту его надое!». Голос надзирателя: «Ну ошибся, подумал! Вещи-то у него тут».

Дверь вдруг распахнулась. В ее раме показались какие-то незнакомые лица:

— Товарищ Важеватов! Вы свободны. Идемте в кантонту.

Кто-то снял его вещи. И хотя Степан мог идти сам, его подхватили под руки, почти несли. И он вдруг почувствовал — ноги откапываются двигаться.

В кантонте много заключенных. Одни сидят на полу, противут ноги. Торемский слесарь снимает с него кандалы. За столом прокурор тюрьмы, да чиновника. Тут же несколько рабочих и студентов. Пожилой врач крепко помалюстрил руки:

— Поздравляю, товарищ Важеватов!

Прокурор рассматривает посттатейный список Степана. И только тут, увидев за спиной прокурора ненавистное лицо начальника тюрьмы Коблякова, Важеватов, не сдержавшись, зарыдал:

— А это подлога что тут делает?

Прокурор торопливо сует Степану удостоверение и мильюброву говорят:

— Разберемся, господин Важеватов, не волнуйтесь. Идите, получайте одежду и деньги.

И вот Степан одет. На нем черная теплая тужурка на вате, новые вальсы с галошами, шапка, шарф. Из кармана торчат варежки из губной шерсти — красные с белым.

В коридоре две гимнастки обнимают, целуют пожилого человека в пенсии.

— Папочка Милья...

Кругом сияющие лица, радостные приветствия. К Степану подошли студенты.

— Вас проводить?

— Спасибо, молодые люди. Чего-чего, а выход из этого места я сам найду.

— Куда вы сейчас?

Важеватов остановился: «На самом деле, кудай в Иваново-Вознесенск! А может, Наташа виду утешу нет. Скоро год, как не присыпала письма».

Он повернулся в кантонту. Прокурор беззрепечно велико осведомился:

— Что вы хотите сказать, господин Важеватов?

— Я год не получал писем. Хочу выяснить...

— Одну минуточку! — Прокурор торопился в папке. — К сожалению, для вас писем не поступало... Извините, есть телеграмма. Получите, пожалуйста.

Степан чуть не вырвал голубой листок. Крупным почерком было написано:

«Сообщите заключенному Важеватову Степану Ильичу. Его жена Наталия Матвеевна проживает сейчас в Петрограде, Елизаветинская улица, дом пятнадцать. Член Петроградского Совета рабочих и солдатских представителей комитета Таврического дворца Сергея Семёнова. Студент испуганно зашарахнулся, когда Важеватов подсел к нему.

— Други! Помогите уехать в Питер! Сегодня же, сию минуту!..

Первым в Таврический дворец доставили вымогавшего председателя совета министров Штормера. На нем поверх ночной сорочки был накнут парадный мундир. Его по приказу комендантам дворца полковника Перетса привели в Министерский павильон, временно преображеный в гауптвахту для высокопоставленных арестантов.

Дворец заполнили рабочие, солдаты, с огнемоком Екатерининском зале около окон стояли в козлах винтовки. В другом конце зала шел митинг.

Кто-то сообщил, что напротив Таврического сада, доме на углу Потемкинской и Фурштадтской, живет товарищ министра внутренних дел генерал Курлов. За них послали наряд рабочих и солдат. Через полчаса толстый Курлов сидел рядом со Штормером, кричал ему в ухо:

— Как себя чувствуете, Борис Владимирович?

Потом под стражи конвоем привезли митрополита Питирима. Митрополит перегоревал с солдатами как самый обыкновенный сельский дьякон. Но, войдя в полуциркульный зал, владико притих. Его под руки дровели до двери Министерского павильона. Он сел на пол, крестился, склонил голову. К нему подошли две духовные подали какую-то бумагу. Питирим вскочил, закричал, потом снова опустился на пол — подпись бумаги. Выяснилось, что добровольно отрекся от сана.

А потом из готовленных стаканов привозили срезы из мясокопченых колбас. Сергей Иванович едва успевал заполнять протоколы. Привезли целую пачку бывших министров, в том числе Макарова и Доброловского. В собственном автомобиле доставили председателя совета министров Геремкина.

К вечеру в павильон влетел министр юстиции Временного правительства Керенский в франтском пиджаке. Остановился на пороге, потрогал загнутые углы накрахмаленной сорочки. К нему подоспела Перета, доложил об арестованных.

— А где же Протопопов? — театрально повернулся на каблуках Керенский. — Пока здесь не Протопопов, решимость опасности!

И явил приветственный Перета.

Сергей Иванович вспомнил рассказы об истеричности Керенского, усмехнулся: «Чудак, господин Керенский. Разве может какой-то Протопопов помешать революции?»

И конечно не затих Таврический. Все время прискалькивали телеграммы Петроградскому суду рабочих депутатов. Некоторые были длинные слов в триста, в них больше говорилось о чувствах. Но были и краткие: «Эшемон с хлебом вышел со станции Тверь».

Двор тол и дед заполнили войска. К нему выходили министры Временного правительства, криптины, хрипящими голосами произносили речи о необходимости продолжать войну до победы. Рядом всегда стоял Чхенди, что-то кричал, потрясая сухоньким кулачком.

Проходя Екатерининским залом, Сергей Иванович удивился неожиданной сцене: посередине стоял генерал-лейтенант Кирьял Владимирикович, двоюродный брат цара, и заварил в том, что он сам и весь гвардейский экипаж поступил в полное распоряжение народа и Временного правительства.

На лестнице, ведущей в зал заседаний Думы, стояли солдаты. Кто-то из них гаркнул:

— А на кой черт вы нам нужнен!

Родзянко даже не обернулся. Крепко пожал великому князю.

Ночью Сергей Иванович из окна увидел: на Шпалерной улице, напротив электростанции, горел костер. Огромные языки пламени поднимались в небо. Он послал солдата узнать, в чем дело. Тот, вернувшись, улыбаясь, доложил:

— Орлов царски жгут, товарищ Семёнов. Понимали где только могли, с вывесками...

День выдался ясный, солнечный. С утра же киевские крепости с вспышками: с Шпалерной заполнились гвардейцы: с Народной, Выборгской, с Васильевского острова. У каждого на груди алея бантинки. Колыхались красные знамена. Под оркестры шли солдаты.

Сергей Иванович, стоя на тумбе, увидел знакомые лица. Ему махали руками — или путьловцами. В одном из рядов он увидел Наташу. Она его не заметила: увлеченно пела.

То ли от музыки, игравшей знакомый марш, или от обилия красных знамен, Сергей Иванович вдруг развелся, подбежал к путьловцам:

— Я с вами, товарищи! С вами.

В Цюрихе в этот день тоже была ясная погода. Солнце ярко освещало письменный стол с воротом газет на нем. Владимир Ильич Ленин, как всегда, быстро писал. Ложился синие ровные строчки:

«Первая революция, порожденная всемирной империалистической войной, разразилась. Эта первая революция, наверно, не будет последней...»

У ИВАНОВСКИХ ТКАЧЕЙ

Фото и текст А. Узлияна.

Через несколько минут этот розунг, нарисованный художником Н. Ари-старковым, будет висеть в цехе.

Хоровой коллектив, которым руководит А. Ф. Величинский, разучивает фестивальную песню.

— Среди участников Всемирного фестиваля в Москве, несомненно, будут юноши и девушки из Иванова. Но из них, конечно, никто не станет пойти незвестно. Хотят ехать все — так сказали нам секретарь комсомольского комитета фабрики «Большой машиномануфактурный». Геннадий Киселев. А постыль всем ехать неизвестно, потому что не все, кроме других имеют на это право. К представщикам празднику юношества, производящим в Иванове ткань, готовят свои трудовые подарки. Чей подарок будет лучшим? Это решают конкурсы, которые сейчас широко развернулись среди молодых рабочих и работниц предприятий. Победители конкурсов хотят дать Родине тысячи метров сверхплотных тканей.

Комитет комсомольской фабрики проводит общесфабрический фести-

валь, те, которые займут на нем первые места, примут участие в городском и областном фестивалях. Среди участников фестиваля — коллектива много талантливых спортсменов и музыкантов, певцов и танцоров, отдающих большую часть времени своему времени занятиям в самодеятельных коллегиях рабочего клуба.

Руководитель самодеятельного коллектива И. Н. Постникова вместе с молодыми рабочими фабрики «Сокол» — Еленой Борисовой, Тереховой, Валентиной Марковой, Екатериной Барановой и другими — организовала концерт «За мир и дружбу». Над новой программой работает хор, руководитель которого — Елена Григорьевна из фабрики. Тамара Ананьева, Прима Приходько, Виктор Антонов с гитарой — вместе с ними трудится над эскизами сувениров.

Художники фабрики П. Приходько, Т. Ананьева и В. Антонов работают над эскизами сувениров и фестиваля.

ПИСЬМО ИЗ ЭКВАДОРА

Моя родина — Эквадор — страна богатейшей культуры периода индийской цивилизации. На ее территории до сих пор сохранились острова драгоценных камней — плавильного искусства индейских зодчих. Таковы, например, развалины храма Солнца и храма Луны в Ките, храма Инда Пирка в Куенке. Их строгие, величественные линии несколько напоминают египетские пирамиды. В далекую древность уходит также истоки эквадорского фольклора, танца, музыки. Земляки моя любят петь. Намбанди — это плачливый город и «плачущая» деревня. Задорные и в то же время немного грустные песни раскрывают богатство духовного мира эквадорцев, их стремления к чистоте.

Народное искусство Латинской Америки мало известно за рубежом. Поэтому одной из основных задач эквадорской делегации на VI Всемирном фестивале будет ознакомление молодежи других стран с подлинной культурой национального народа.

На Эквадоре с каждым днем все шире развертывается подготовка к Московскому фестивалю. Мы провели цикл лекций, объединенных темой «Защита национальных богатств страны». Лекции читали виднейшие деятели науки и искусства, например, ректор университета в Ките, председатель Дома культуры Эквадора и другие. Кроме того, в Москве проходит выставка передвижной выставки плакатов, с которой обхажали многие города страны. Посетителям ее мы объясняли цели предстоящего фестиваля.

Усилия готовятся к фестивалю театральные коллективы и ансамбли народного танца. Они регулярно дают спектакли, сборы от которых идут на фонд фестиваля. Эквадорская национальная театральная университетская студия показала инсценировку по рассказу Чехова «Медведь» и устроила несколько концертов эквадорского фольклора. Этот коллектив наряду с танцевальной группой и спортивной командой университетской Лиги спорта мы предполагаем послать в Москву.

По случаю подготовки к фестивалю было создано 14-й Совет старшекурсников студентов университета Эквадора. На заседании Совета мы решили учредить Национальный комитет фестиваля, в который вошли люди самых различных политических убеждений. Комитеты фестиваля организованы также в провинциях. Общими силами проведен Первый национальный фестиваль молодежи и студентов Эквадора.

Подготовка к Московскому фестивалю для нас имеет особое значение: она не только расширяет дружеские международные связи эквадорцев, но и помогает укреплять единство молодежи в нашей стране, сплачивает юношей и девушек Эквадора под знаменем борьбы за мир и дружбу между народами.

Хорхе РИВАДЕНАЙЯ,
вице-президент Федерации студентов университета Эквадора

МЫ ПРАЗДНИК ВСТРЕЧАЕМ ТРУДОМ И ЦВЕТАМИ

На земле еще лежит снег, но весна уже где-то близко. Все ощущение ее примири и в про будущей природы, и в настроении молодежи, для которой весна этого года — преддверие фестиваля, и волнистого газетника «Молодые», и весенской молодежи стремится внести в подготовку к этому празднику свою долю труда, творческой выдумки, страсти и таланта.

ДЛЯ ГОСТЕЙ НОВЫЙ АВТОБУС

Приятно будет прокатиться по Москве в этой комфортабельной, красивой машине. Широкие, светлые окна, удобные мягкие сиденья, плавный, стремительный ход — таковы качества нового туристического автобуса — «ЗИЛ-158», который будет выпускать в серию коллективом московского автомобильного завода имени Лихачева.

Комитет ВЛКСМ завода, как сообщает заводская многотиражная газета, организован в каждом цехе, где производятся детали для нового автобуса, комсомольские контрольные посты и рейдовы бригады. Комсомольцы, все молодые рабочие завода горячо взялись за дело. В дни фестиваля вы увидите подарок автозаводцев на улицах столицы.

«МОСКОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬНЫЙ»

Эта мысль зародилась у комсомольцев первого машиностроительного цеха московского завода «Динамо» имени Кирова. На одном из собраний они решили привлечь к фестивалю трудовой подвиг юношей, склонившихся к работе, к созданию нового комплекта электромоторов для экскаватора. Молодые киевляне обратились к уральским машиностроителям с просьбами выпустить сверх плана экскаватор и установить на нем эти моторы. «Предлагаем назвать экскаватор «Московский фестивальный», —

говорилось в письме. Начинание москвичей нашло горячий отклик среди молодежи «Уралмашзавода».

ВОСЕМЬ МИЛЛИОНОВ ЦВЕТОВ

Не правда ли, впечатляющая цифра! Это в семь раз больше того количества цветов, которое ежегодно в течение лета проходит москвичам. Ниже из гостей фестиваля не останется без букета: цветов будет вдоволь!

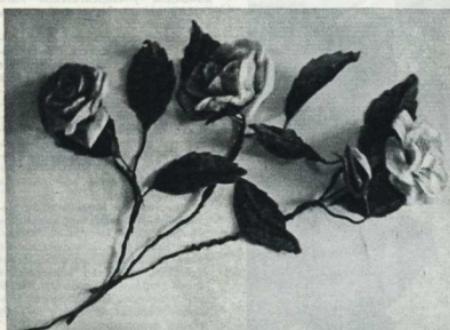
В изумрудный наряд оденется Москва. Только новые газоны во дворах столицы составят площадь в 133 тысячи квадратных метров. В спешке цветочный ковер превратится в асфальтовый сквер на трассе, ведущей к Центральному стадиону имени В. И. Ленина, где состоится торжественное открытие фестиваля.

Но среди множества душистых роз, лаванд, орхидей, пионов, тюльпанов, флоксов, гладиолусов, которые подарят московским участникам фестиваля, будет один необычный цветок. Он вырос не на солнечной поляне, не на оранжерее, не на клумбе. Это чудо-цветок, выращенный любящими руками молодежи завода «Красный богатырь». Он сделан из особого сорта резины и обладает нежным, невыразимоющим запахом розы. Этот неуязвимый цветок будет всегда напоминать участникам фестиваля о днях, проведенных в праздничной Москве.

ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ...

Тысячи белоснежных голубей взлетаются над гигантской чашей стадиона в Лужниках в день открытия VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Сейчас юноши и девушки, комсомольцы и студенты, с увлечением и люборюбием разводят эти красочных птиц, ставших для миллионов людей символом мира. Уже двадцать пять тысяч голубей вылетели из курилок комсомольцы. В некоторых районах столицы открыты клубы голубеводов. Все большие и большие пернатые питомцы становятся у активистов клуба Железнодорожного района, у комсомольцев автомобильного завода имени Лихачева, заводов «Серп и молот», «Каунас», фабрики имени Свердлова и других предприятий.

Б. ЗОРИН, Б. ЮРИН

Этот неуязвимый цветок, созданный молодежью завода «Красный богатырь», получат участники VI Всемирного фестиваля.

Людмила ЩИПАХИНА

ИЗ ПУТЕВОЙ

ТЕТРАДИ

Людмила Щипахина — молодая стипендиатка Академии искусств. Сейчас она учится в Литературном институте имени А. М. Горького.

В 1956 году в составе экипажа на теплоходе «Архангельский» она совершила путешествие вокруг Египта. Вернувшись на родину, она написала цикл стихов о Египте. Сегодня четыре стихотворения из этого цикла мы публикуем сегодня.

У берегов Португалии

Воздух утренний, свежий
и хрупкий.
Нам доносят земли аромат.
А в приемниках радиорубрик
Португальские песни звенят.
Мие от песен почально немножко.
Я гляжу в переливы воды.
Мие гораздо понятней гармошки
Переливающие пады.
И, грусти под мотив неизвестный,
Представляю, как где-то звучат
Величавые русские песни
и частушки колхозных девчат.
Я, проехав почти что погасла,
Свело в сердце свое берегу
Сталинградское жаркое лето,
Подмосковные рощи в снегу.

Портрет

Как зовут тебя!
Подойди ко мне!
У тебя глаза удивленные,
Черноносы,
Тенаполики,
Ни в кого еще не влюбленные.
Розы яркие,
Листья тонкие,
Пальмы, гнувшиеся в дугу.
...Возле хрупкой этой девочки я
Простою часами могу.
Вот в корзине из пальмовых веток
Ты проносишь фрукты по городу.
На руках туго браслеты,
Голова приподнята гордо.
На ногах сандалии тряпичные,
Сари скрываются покатой плечи.
В ярких тканях konkеты столичные
Не желают тебе замечать.
И уходишь ты улицей тесной.
Над тобою пальмы смыкаются,
Никуда, никде не известная,
Удивительная красавица.

г. Бомбей.

Сампани

Вдоль по речке рано-рано
На незыблемую гладь
Кругоносные сампани
Начинают выплывать.
Всходит солнце из-за пагод,
Озаряет купола.
...Я бы здесь осталась на год,
Если бы выптереть смога.
По просторам этих дальних
Я прошла бы сто дорог.
Я бы видела, как пальмы
Тень бросят на песок,
Как ссыхаются болота,
Как томят жара зефир,
Как вздыхает белый потос
На коричневой воде.
Видеть — это очень мало!
По заросшим берегам
Я бы листья цеплялась!
Приникала к тростникам.
И, когда бы спустила трапы
И на них путь привнес к концу,
Я губами собрала бы
Все цветочную пыльцу.
Чтоб в краю родном и милом
Слово каждого подъяд
До могилы сохранило
Этот южный аромат.
А пока что очень рано.
Даль прозрачна и легка.
Кругоносные сампани
Задевают облака.

г. Рангун.

Пирамиды

Запах фиников и маслин,
В желецке небе видны облака мне,
Здесь в песок раскаленный вросли
Пирамиды обожженные камни.
Ходя остриной в облака,
Прорезая небес расстояния,
Сохраняют те камни в веках
Фараонов блызкие дни.
А о тех, ком умело построены
Величавые эти гробницы,
Говорят очень скучна история
На своих знаменитых странницах.
Не склоняли я голову сроду.
Но сейчас, не скрывая волнения,
Перед гордым искусством народ.
Я невольно склоняю колени.

Египет.

С каждым годом все новые огни гидроэлектростанций освещают реки. Тысячи юношей и девушек — молодых строителей — трудятся на новостройках страны. Группа из пятидесяти девушки-электрических инженеров-вспомогательниц строительница Сталинградской и Камской ГЭС Лилия Усоцьева, устанавливает на Каме высоковольтную подстанцию.

Фото В. Сметанина.

Новое платье
фотограф Ю. Чернышев

ИНИЦИАТИВА, ВЫДУМКА, ПОЧИН

КОМСОМОЛЬСКАЯ СВАДЬБА

Это была обычная свадьба. Все поздравляли молодых, хвалили жениха и невесту, желали им многих-многих лет счастливой жизни. Гости принесли подарки и вручили чайники. Но на заводах, сердце слова.

— Дорогие гости! — поднялся директор завода.

— Дорогие мои! Хотется от всей души поздравить вас и преподнести вам от коллектива завода подарок. Наш подарок — это комната, в которой мы все сидим. И дарим мы вам эту мебель. Правда, не все, может быть, предусмотрено, но тут уж дело за вами...

Так закончилась комсомольская свадьба Валы Егоровой и Ени Тростинского — молодых рабочих Таллинского машиностроительного завода.

Комсомольские свадьбы теперь часто устраивают не только в Таллине, но и в Нарве, Тарту, Кохтла-Ярве и многих других городах, рабочих поселках, деревнях Эстонии.

У комсомольцев Кохтла-Ярве возникла мысль: добиться, чтобы каждая молодая семья имела хорошо обставленную киперу. Первый поднял этот вопрос Ээле Авластик на заседании комитета комсомола сланцевого комбината.

— Правильно, — поддержали ее активисты, — только одним нам не помешать это дело.

Члены комитета комсомола встретились с директором комбината. Он спросил ребят:

— А как это сделать практически?

— Вместе с коммунальным отделом комбината создадим комиссию, которую вы утвердите приказом, — ответила Ээле. — Комиссия определит, кто будет въезжать в новые квартиры и кому какая мебель нужна. Заранее обсудим все комнаты, а затем, — пожалуйста, на новоселье. А оплачивать мебель в рассрочку. Года за два — да с половиной нашей ребята все получат.

— Что же остается мне, — я и сээр? — сказала директор. — В новом году нам много-много квартир надо построить. И молодежному поселению и стариков.

Было решено распределить квартиры и комнаты прямо на проекте, чтобы каждый знал заранее, где он будет жить, и мог сам контролировать ход стройки и помогать строителям.

Инициатива комсомольцев сланцевого комбината поддержалась на других предприятиях республики.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМИССИИ

Каждый район комсомола имеет актив. Каждому активисту дают поручения, но делают это часто так, как писал В. Маяковский:

...Иван Петров
ушамы хвор,
мычанье
путал с мызыкой,
а из него
фабричный хор
напычился на гаэтной.

До недавнего времени, как попало «клавиочки» вагонов и в Калининском районе города Таллина. Но комсомольцы решили перестроить работу с активом: к разрешению больших, волнующих вопросов привлекать не одиночек-активистов, а целые группы.

Одной из форм оживления работы активистов явилось создание производственных комиссий при райкоме.

Эти комиссии занимаются вопросами трудоустройства молодежи, рационализации, изобретательства.

Комиссии входят члены райкома, молодые инженеры и техники. Они хорошо знают жизнь молодых производственников и поэтому видят, на какие вопросы нужно прежде всего обратить внимание.

Недавно по инициативе комиссии был проведен смотр внедрения в производство рационализаторских предложений молодежи. Смотр показал, что немало хороших предложений учащихся школы и колледжа и института. Обратили внимание и на другую сторону дела: на заводах есть экспериментальная база для рационализаторов и изобретателей. Ведь каждому рабочему, занятому техническим творчеством, всегда хочется пропести описы, покспериментировать. Значит, нужны специальные, пусть небольшие мастерские.

Комиссия приняла самое активное участие в проверке выполнения колlettивных договоров на предприятиях, особенно по тем пунктам, которые непосредственно касаются молодых рабочих.

Такие комиссии теперь созданы и при других райкомах комсомола.

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ

Осенью прошлого года в Таллинском горкоме комсомола завязались оживленный разговор о том, как организовать эммигантский отдык молодежи. Сейчас трудно сказать, кто первый вспомнил о небольшом местечке Роккальмали, где каждое лето на мачтах поднимаются флаги пиннереских лагерей.

А потому нам не использовать зимой эти лагеря? Весь пустуют прекрасные рубленые дома!

И вот в один из воскресных дней типична Роккальмали была нарушена. Сюда приехали молодые рабочие многих предприятий Таллина, чтобы оборудовать здесь эммигантский турристический лагерь. Работами руководил секретарь горкома комсомола Дмитрий Брун.

Немало пришлось потрудиться молодым столярам, пекарям, малярам, прежде чем впервые в республике эммигантский турристический лагерь.

В субботу и воскресенье по бесплатным путевкам горкома комсомола здесь будут отдохнуть молодые передовики производства.

Десь нет штатных работников: лагерь ремонтировали сами комсомольцы, сами они его

ВЛ. ДРЕВНИЦКИЙ

ДУБ

Февраль. Туманы над рекой.
Синеет снег на полонине.
На склоне дуб седым-седой
Упрямо страживает иней.

Он спит, и сквозь глубокий сон
Он видит: в солнечном синне
К нему пришла на этот склон
Весна с цветами на сиданье.

И снова грезится во сне,
Что вот в такой же синий вечер
В любви признался он весне
Сто лет назад — при первой встрече.

Кружит метелица вокруг,
А дуб расправляет ветви-плечи,
И словно тянется на юг,
И словно ждет желанной встречи.

Пусть хлещет ветер, вадит снег,
Но дуб никоему не страшен...

Любить всю свою жизнь,

весь век —

Какое счастье!

г. Ужгород

будут и обслуживать. Горячие обеды и завтраки приготовят приезжающие сюда работники различных столовых. Вечерами выступят с концертами участники художественной самодеятельности, работники искусств. С комсомольцами поделятся своими творческими пла-нами поэты и писатели Эстонии.

НА ЦЕЛИНЕ И НОВОСТРОЙКАХ

Депутаты Верховного Совета Эстонской республики обсуждают очередные хозяйствственные вопросы. Председательствующий представил слово комсомольцу Ниико:

— Он выступает от имени ударных бригад молодежи, покоривших целину.

И вот на трибуну поднимается высокий, худощавый парень. Смуглые лица его покрыто загаром, волосы выбелены от солнца.

Разрешите мне, — говорит он, — рапортовать вам о том, что в Эстонии рабочие-республиканцы об участии эстонской молодежи в такой битве советского народа за хлеб. Таскя своих сынов и дочерей направил эстонский народ на покорение целины. А когда там был выращен высокий урожай, еще 150 000 юношей и девушек прибыли в далекий Казахстан, чтобы помочь своим товарищам. Ни послы Ахмолинской и Западно-Казахстанской областей наименее 180 тысяч гектаров пшеницы. С честью выполнено задание партии. Разрешите нам вручить благодарность Эстонии первому споншиппингу Казахстана.

Девушка с золотистым споном в руках поднимается по ступеням к президенту. Тепло, по-отечески приветствуют комсомольцев депутаты.

Эстонский народ может гордиться сыновми сыновьями и дочерьми. Ведь послы эстонской молодежи можно встретить не только в Казахстане. По своей инициативе, по своему желанию сотни юношей выехали на шахты Донбасса, на ведущие стройки шестой пятилетки. Сейчас комсомол республики выдает путевки своим лучшим представителям, пожелавшим поехать на стройки Нижнего Тагила.

ЦВЕТИ, МОИ ГОРОД!

Нарва — город боевой славы и революционной свободы. Здесь стоит памятник героям гвардейским полкам русской армии — Семеновскому и Преображенскому. Пол Нарвы в боевых схватках родился армия рабочих и крестьян, Советская Армия. Здесь в 1918 году была провозглашена Эстонская Советская Республика. Трудолюбивые руки молодежи Нарвы заблаговременно обустраивали свою родину город.

С центральной площади открывается вид на сквер имени Ленинского комсомола. Немало потрудились здесь юноши и девушки, чтобы сделать сквер излюбленным местом отдыха горожан. Молодежь соорудила большую летнюю ягодную лавку, на которой установили полуторатонный колодезный, а зрителей плюшевая — на несколько тысяч человек.

Молодежь также занялась зачинателем озеленения города. Весной и под конец осени жители Нарвы сажали деревья и кустарники, создавая огромный парк.

Сейчас зима. Но не прекращается забота о зеленом убранстве города. В парниках комсомольцы выращивают цветочную рассаду, а в пешеходных зонах улицы в Нарве будет высажено 5 тысяч деревьев.

Молодые рабочие мебельной фабрики Александр Торбак и Юрий Гаврилов сочинили к фестивалю песню, в которой воспевается родной город:

Цвети, мой город, весенним цветом,
В гротах строен и в зелени имен

Ты троекратно хороши!

Игорь КАЗАНСКИЙ

Александр РЕКЕМЧУК

КОРОТКИЕ ВОЛНЫ

Рассказ

Робко, будто мышь-порушка, заворачивала ключ в замке.

Лена не открыла его, как обычно, у двери; в картире стояла недобрая тишина.

Савватеев вструхнул шапку, сбросил полуշубок, отер иней с бровей и, коротко вздохнув, вошел в комнату.

Лена стоит у окна — ладони на ребрах батареи. Она мурлык Савватеева взглядом — с ног до головы.

А чего тут мерить, когда с головой до ног в человеке всего сто пятьдесят пять сантиметров, плечи висятсаны торопом, ноги в вальдах неуклюже толпучны на месте.

— Пойдем, что ли! — дружелюбно спрашивает Савватеев.

— Куда это?

— Так ведь в кино собирались! — удивляется Савватеев и насыщенно поднимает на жену свои белесые голубизны глаза.

— В кино!

Лена резко выпрямляется, выхватывает из кармана канючую бумажку, должно быть, билет, и рвет ее — раз, два! — на части.

— Седина, шесть тридцать — скажи слово, будто взахлысты, будто пощечини! — А сейчас без десяти самы!

— Ну, и бог с ней, с этой картины! — ульяниво говорит Савватеев. — Ерунда, наверное. Теперь все больше ерундовых картинки выпускают...

Лена всхлипывает:

— Но ведь мы договорились

идти сегодня! Ты сказал: да. Я целый час выстояла за билетами! Я ждала...

Она плачет.

Бывалые боты еще виноватей толпучи не месте. На лице Савватеева ушло настоящее, большое горячение.

— Понимаешь, Ленка, — сердечно, в открытую говорит он. — Плохо с планом. На третий уставновке, у Зыбина...

— Есть смельчаки мастера. Не доверяешь, что ли? — язвительно щурится Лена. — Постоянно наставляет рабочего для тебя, что, не касается?

— Касается! — это касается! — разводит руками Савватеев.

— Нет, мастерство надоевло! Не первый раз учили.

Лена строительно перекасывает комнату, выходит, злопомчно дверь. Савватеев настороженно прислушивается: куда пошла? Из дома? Нет, кажется, на кухню. Все равно плохо.

Потоптавшись еще немножко, он садится на тахту, задумывается. Потом дрожащий от волнения рука поворачивает регулятор приемника.

Вот порозовел глазок индикатора, налился свежей весенней зеленью.

— Иди сюда! — А сеанс в шесть часов. Третий сигнал дает приемник — девятнадцать часов по московскому времени.

— Спасибо! Знаю! А сеанс в шесть тридцати...

Савватеев разо крутит регулятор. Мигает зеленый глазок. Напливает музыка. Кто-то задорно выступает на дощечках ксилофона: тым-тир-тир-лим, — будто грибной дождик скакает по солнечным лужам.

Тонкая струйка скакает по коротким волнам. Что-то попискивает, трещит, веет, и вдруг:

— Алеша, Савватеенька, родной!

— Слышишь? Сейчас будет говорить наш Борис... И шепот:

— Вонючка скажи «запах», — Но неведомый Вонючка почему-то не говорит «запах», а только басонит мчит, а потом тонко смеется, будто его щекотают...

Лена всхлипывает:

— Но ведь мы договорились

Рисунок Ю. Ракутина.

снова доносится из приемника ясный вззволнованный женский голос: — Алеша, как ты себя чувствуешь? У вас холодец... Мы тебе очень соскучились, но это ничего, мы скоро увидимся. Первой приемники, сестры, товарищи... Алешенька, я тебе очень люблю! Да, люблю!

И такая линущая уверенность слышится в голосе женщины, являющей на весь мир и тому одному о своей любви, что даже Савватеев чувствует, как к сердцу приливают волны благодарности.

Оглянувшись, он видит, что Лена опять в комната. Она сидит в углу, за письменным столом, и что-то пишет, заглядывая в книгу: Лена учится на последнем курсе техники. Ухо прикрыла ладонью, видимо, ради мешающей ей тишины.

Савватеев убирает громкость. Он знает: только что притянутые голоса — это разговор по радиотелефону. Им, как единственным средством связи, пользуются в самых глубинных районах страны. В назначенный час на определенной волне «глубинки» подтверждают отношения с остальным миром. Люди отчитываются о работе, получают задания, разговаривают с родными и близкими.

Савватеев представляет себе огонек, слабо мерцающий среди чаек, лесов и острых скал, погребенных в снегу, стекла палаты поисковой партии, людей в костюмах одинака, сгрудившихся над передвижником.

В приемнике опять женский голос — теперь едва слышенный. Савватеев оглядывается еще раз. Лена по-прежнему смотрит в тетрадь, но уже отняла ладонь от уха, и по нежной раковине, насквозь просвеченной лучом, настольной лампы, чувствуется, что слушает. Он повернулся регулятором.

— Борис, Борис... Зачем ты им показываешь перед глазами своих родителей, знаешь, как они смотрят на свою семью? Борис...

Брови Савватеева медленно сдвигаются. Он удивляется в этом новом женском голосе,

трудном и скорбном, укор, боль, тупую горечь отчаяния. Так можно говорить о невыспавшихся слез или после того, как они уже выплаканы все до единой.

— Послушай, Борис!.. — настывает, но уже теряя надежду, говорит женщина. — Это неправда, Борис! Они тебя обманули, а ты приподнялся и уехал от нас...

Фактически, ей отвечают, но другой голос здесь. Савватеев уже хочет выключить приемник: он чувствует наловцов, будто вошел, куда не следовало и когда не следовало, будто нечаянно подслушал чужую тайну, чужое горе. Но это чужое горе, несомненное короткими волнами по всем линиям, — человеческое горе, и поэтому нельзя отключиться от него простым поворотом регулятора!

Борис, я знаю, что ты упразднишь. Но я теряю время очень плохо. Очень трудно... Ты ничего не хочешь помнить. Скажи, что ты принесешь к нам, Борис...

— Закончили, гражданин, время вышло... — перекрывает ананазом и последнюю фразу другой голос — тоже женский, но гнусавый, глухой.

Савватеев вздрагивает. И в эту минуту падает. Это Лена уронила карандаш. Она уже сидит, обернувшись к приемнику, подперев висок кулаком. Вгляд ее странный, потухший.

«Так вот оно как бывает... Как

бывает в жизни. И разве... разве есть вина, которую нельзя прощать, если любишь? — говорит этот взгляд.

А я бы проносил другое:

— Умная будешь?

Савватеев кивает головой и идет мыть руки.

Он уже сидит за столом, упираясь за обе щеки слегка отставшиими рассыпчатыми плюхами, но все-таки прислушивается к голосу в приемнике. Слушает и Лена. Голос плюх, новый и опять женский — повелительный, не призывающий к возражениям, очень громкий. Видимо, его обладательница, не очень-то доверяя коротким волнам, старается кричать так, чтобы ее и без помощи радио обязательно услышали там, за тысячу километров.

— Госа, ты меня не перебивай, будешь рассказывать, когда приведешь. Самолет лететь не нужно, это очень долго. Чего? Пешедромали? Каких пешедромали? Решай сам, не чем, только бери обыкновенный пластикар. В дороге не трясься, все деньги привез домой... Госа, подожди, слушай, что я говорю! Все веши пройдай, никому ничего не оставляй... Чего? Собаку, книгу? Тоже пройдай... Бокситы! Какие бокситы? Одним словом, пройдай все!

Савватеев отодвигает тарелку и, отвалившись на спинку стула, вздрагивает от смеха. Смеется и Лена. Она подбегает к столу, треплет савватеевские кудри, торописто, из всех сил обнимает мужа...

Но Савватеев мягко отстраняет ее, встает, подходит к телефону, крутит диск и вежливо спрашивает:

— Кинотеатр? Скажите, пожалуйста, когда у вас следующий сеанс.

— Ухта.

Фотоочерк Е. Халдея.

Как дома

В Москве, на Трифоновской улице, у входа в большое пятиэтажное здание есть доска с надписью: «Школа-интернат № 10». Внутри здания этой школы и вхожишь в помещение, полное света и звонов ребяческих голосов, тебя охватывает атмосфера тепла и любви. Ты будешь за страну, которая с материнской щадростью и любовью отдает своим маленьким гражданам все лучшее, что может споделать учитель, роскошь развивали свои таланты.

Здесь, в одном из многочисленных интернатов, созданных для детей-сирот, минут и учаются сто пятьдесят мальчишек и девочек. Каждый час в интернате разумно заполнен учебной, спортивной, игрой. Открытые занятия воспитателей, дружба детей, каждая мечта быва — все это создает особую атмосферу теплоты, ребята чувствуют себя здесь, как дома.

Фотоочерк, который мы помещаем, показывает отдельные эпизоды из жизни детей в интернате.

С увлечением трудятся ребята в столярной мастерской.

Не легко Юре Израилеву извлечь звук из такой машины...

Саша Дмитриеву (крайний справа) сегодня исполнилось двенадцать лет. Отметить это событие сплелись его одноклассники, воспоминавшие Саша с радостью угощают их традиционным праздничным пирогом.

Интересно смотреть кино... Но еще интересней поработать у киноаппарата.

Спокойной ночи, дети!

В кабинете у директора ребятам приходится переживать и не совсем приятные минуты... Провинился — отвечай!

Этим девочкам в интернате скучать неногда. А вот бабушка о внуках соскучилась...

Фотоэтюд М. Озерского.

БЕСЕДЫ С ЧИТАТЕЛЯМИ

ЧУВСТВО ВЕЛИКОЕ, БЛАГОРОДНОЕ!

С. КОВПАК,

заместитель Председателя Верховного Совета УССР,
дважды Герой Советского Союза.

Редакция «Смены» обратилась ко мне с просьбой поделиться на страницах журнала своими мыслями о советском патриотизме — о том великом, благородном чувстве, которое вдохновляло миллионы советских людей на славные боевые подвиги в грозные годы военных испытаний и которое вдохновляет их сейчас на доблестный труд.

Когда мы говорим: «Это патрот!», то мы имеем в виду человека, безмерно любящего свое отечество, свой народ.

Великий Ленин подчеркивал, что патриотизм — это не забытые глубокими чувствами, закрепленные веками и тысячелетиями обособленные отечества. В нашей стране, стране победившего социализма, патриотизм превратился в огромную движущую и всеобъемлющую силу. Это советский патриотизм, патриотизм нового, высшего типа, который рожден нашим замечательным строем. Советский патрист — гражданин первого в мире государства, где власть принадлежит народу. Он гражданин государства, созданного Великой Октябрьской революцией, потрясшей старый мир. Октябрьская революция имела колоссальное, небывалое значение, а государство, рожденное ею, стало оплотом мира, светочем свободы и социализма.

Вот почему советский патрист с особой гордостью говорит:

— Я гражданин Советского Союза!

Общественны всемирно-исторические победы нашей страны. Но пришли они не по мановению волшебной палочки. Путь знает это молодежь, знает и ценит! Путь к победам неве-

роятно тернист, извилист. И если советские люди успешно преодолели его и стоят же успешно продолжают двигаться вперед, то это потому, что ими руководят любовь к Родине, своему народу, Коммунистической партии.

Нам, представителям старой гвардии большевиков, имеющим большой жизненный опыт, эта истина особенно близка и понятна. Тот, кто прошел через многие испытания, всегда лучше других чувствует радость победы: он знает, какими усилиями досталась эта победа.

Я уже немолод: закончил седьмую декаду. Свою трудовую жизнь начал на службе у лавочника в слободе Котельня, на Полтавщине. Тогда мне было десять лет. Потом работал грузчиком в Саратовском порту. Затем был чирябордом в трамвайном депо, служил в царской армии. В гражданскую войну мне выпала часть драться с врагами революции под командованием прославленного полководца Василия Чапаева.

Многое приходит мне на память сейчас, когда я беседую с вами.

Помню 1918 год. Идет заседание VIII съезда партии. Владимир Ильин Ленин предлагает ввести в стране всеобщее военное обучение. Делегаты единогласно одобряют ленинское предложение.

Отчаявшись на призызы партии, трудались молодой Советской республики в те памятные дни с несметенной энергией: работали для фронта, для победы, одновременно овладевали военным делом, чтобы с оружием в руках защищать власть Советов. В суровые годы

Октябрьской революции и гражданской войны рождался советский патриотизм.

Говоря о патриотизме советских людей, нельзя не вспомнить замечательные по своему содержанию, глубочайшие по значению слова, сказанные Владимиром Ильичем Лениным: «Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа масс, которые на войне проявляют свою кровь. Убеждение в спасительности войны, необходимости покоряться ей, может для блага своих братьев поднимать дух создат и заставляет их перенести неслыханные тяготы...». Говорят, что наши красноармейцы переносили такие тяготы, какие никогда не вынесла бы армия царского строя. Это объясняется тем, что каждый рабочий и крестьянин, взятый под ружье, знает, что он идет, и сознательно проливает свою кровь во имя торжества справедливости и социализма».

Десятки лет своей жизни я посвятил военному делу. Я много времени встречался с многими людьми, жизнь и подвиги которых остаются примером для будущих поколений.

...Однажды после удачно проведенного боя среди чарапцев пошла молва: в дивизии занялась боевой девушка по имени Маша. Вот герой! Служит она в конной разведке, и храбрости ее нет предела. Эта она заменила в бою раненого пулеметчика и повела швакальный огонь по противнику. Маша — Мария Андреевна Попова — прошла с чарапцевской дивизией весь ее боевой путь. Не раз проявляла она отвагу и находчивость. Подвиг ее запечатлен в фильме «Чапаев». Помните пулеметчицу Анку? Что пришло Марии Поповой в ряды чарапцевской дивизии? Ее назначили известить к врагам революции, желание отстоять свою родную рабоче-крестьянскую власть.

Недавно в Москве я повстречал высокую, стройную женщину. Голова ее заметно посеребралась: прожитые годы взяли свое. Но глаза у этой женщины изумительно молодые, взгляд бодрый, я бы сказал, задористый. Я тут же узнал ее Ну, конечно же, это Мария Андреевна!

И когда я взглянул на орден Красного Знамени, красавицей ее на строгом платье, я мысленно перенесся к событиям далекого прошлого, вспомнил, как радовались чарапцевы,

узнав, что Маша Попова удостоена высокой награды Родины за участие в боях под селом Дураково на реке Деме, что близ Уфы.

Такие люди, как Мария Андреевна Попова, отбивали настиск врагов на молодое Советское государство, они укрепляли власть рабочих и крестьян. А затем они передали эстафету следующим поколениям.

Сурожным испытанием стойкости нашего народа, против его моральных качеств явилась Отечественная война. Советские люди испесели невероятные лишения, но они на минуту не теряли веры в правоту своего дела — веры в победу. И поэтому в жестокой схватке с лютым врагом человечества — германским фашизмом — они одержали верх, заставив капитулировать тех, кто хотел поработить другие народы.

В годы войны прекрасно проявила себя молодежь, воспитанная Коммунистической партией, Ленинским комсомолом. Я испепонаю сейчас о народных мстителях — молодых бойцах нашего партизанского соединения. Их было много, они составляли большую половину

Вот комсомолец Радик Рудин — сын нашего прославленного партизанского генерала, комиссара соединения Героя Советского Союза Семена Васильевича Руднева. Он был бесстрашным разведчиком, отличником пулетчиком, не раз подвергаясь опасностям, прошел тысячи километров, участвуя в походе Следящего полка, наступавшем на Сумщине до Карпат. Однажды, когда мы уже подошли к Карпинским горам, на привале я услышал разговор между отцом и сыном. Семен Васильевич и Радик увлеченно говорили о том, каким будет день победы, какой представляют себе жизнь после того, как эти гитлеровцы будут разбиты. За эти слова я и они боролись, но увидеть ее мы не удалось: оба погибли в Карпатах.

Больной любостью среди партизан, заслуженной популярностью пользовались два неизвестных друга: Ваня Червяков и Коля Шубин. Когда началась война, каждому из них было не больше пятнадцати лет. Пришли они к нам право со школьной скамьи, быстро освоили военное дело, а особенно по душе им было разведка. Начальник нашего штаба Григорий Яковлевич Базыма, послал Ванию Колю на очередное задание, говорил всегда:

— Думай, не подведите. Выполните, что требуется.

Говорят скорее по прыщам, потому что эти ребята никогда не подводили. Всякий раз, когда соединение попадало в особенно трудное положение, в штабе необходимо было как можно быстрее и безошибочно связаться с разведчиками группами или с соседними отрядами, самыми надежными гонцами были Шубин и Червяков. Около десяти тысяч километров отлагали они партизанскими тропами.

Таких молодых патриотов, как Радик Рудин, Ваня Червяков и Коля Шубин, только в нашем отряде были десятки. Мы гордились ими, мы говорили другим: «Берите с ними пример!»

У Ленинского комсомола славные патриотические традиции. Нынешнему поколению есть к кому учиться. Умение служить Родине комсомольцы наших дней учатся у героев Октября, у героев гражданской войны, у героев первых пятилеток, у героев Великой Отечественной войны.

И радостно становится, когда видишь, что патриотические традиции, накопленные комсомолом за десятилетия, приумножаются сейчас, в дни мирного строительства. Я горжусь успехами моих молодых соотечественников, которые по призыву Коммунистической партии осваивают новые земли, строят новые шахты и новые заводы.

И все же мне думается, что было бы большой ошибкой, если бы, беседуя с вами, не покримались бы некоторыми вашими товарищами, ведь для них ряд советов. Не в общую будьте склонны им, но же все они по-настоящему понимают весь глубочайший смысл слов «советский патриотизм».

Еще раньше Отечественной войны, когда я жил в Путтинале, был в нашем городке один паренек по имени Виктор — комсомолец, видный малый, первый активист. Как только проходило какое-либо значительное событие, на трибуне появлялся Виктор. Говорил он красноречиво, ярко: о нетленном чувстве советского па-

триотизма, о гордости, какую должен испытывать владелец чистого паспорта, о том, что каждый гражданин земли Родины должен стать на ее защиту. Убежденно говорил!

Но вот началась война, мы стали создавать партизанские отряды, «а нам больше не придется встретить Виктора. Не подумайте, что он остался служить врагу. Нет. Он поспешно ретировался в тыл, чтобы там, в более спокойной обстановке, снова пронизнить зажигательные, патриотические речи.

А ведь такие люди имеются и сейчас. Их немного, но они есть. И нужно уметь времени разглядеть в них «патриотизм». А это не так уж трудно. Нужно только судить о человеке не по словам, а по делам.

Мой юный друг! Родина — это не какое-то отвлеченное, чисто символическое понятие. Родина называется с этого дома, где ты живешь, с твоей улицы, по которой ты ходишь, с твоей школы, где ты учишься, с этого завода, где работашь, с этого города или села, где родились твой отец и мать. Чтобы по-настоящему любить Родину, надо ее знать. Нужно знать не только историю всей страны, но и историю своего края, знать свою землю, свой город. К сожалению, не всегда так бывает.

Есть у нас в Киеве замечательный Золотоордынский сад. В глубине его — Золотые ворота, один из интереснейших памятников истории древнего Киева, сохранившийся до наших дней.

Одну молодую киевлянку, встретившуюся мне в саду, я спросил, знает ли она историю Золотых ворот. Лицо девушки покрасилось краской смущения. Доследе боялась, она невинно пропоротила, что не так давно в школе изучала историю древней Руси, Киева, но о воротах что-то не припомнит. А ведь эта девушка считает себя коренной киевлянкой, говорит, что она любит родной город.

Василий КУЛЕМИН

О СЧАСТЬЕ

Оно разное, счастье —
Стать средь полей,
Где дуло ты зорче, богаче...
Вот растяни
Крестькин куравиль,
Рядом тучи, как всадники, скачут.
Оно разное, счастье —
Под вечер домой
Воротиться с работы хорошей,
Спать детей уложить,
Без уткы с женой
Поделиться сердечной ношей.
В зорний час
Пригадуматься о былом,
И мечтой о грядущем согреться,
И уснуть.
Как песня задела крылом
Недроморальное, чуткое сердце.
И как пущин,
Застыгнутый бурей вспах, —
Притупиться потом у оконца.
И глядеть, как шагают
К тебе за порог
И знакомые и незнакомцы.
Дорогие твои,
С кем ты вместе живешь
Под высоким и трепетным небом, —
С кем ты все победац —
И разлуму, и ложи,
С кем душа с махоркой и хлебом,
С кем скада, —
Немедленно бываешь собой —
Без никакных чувств,
Без парыда,
С кем в тревожною зиму
Погиб под Москвой
И воскрес на лесах Стalingрада.
Оно разное, счастье...
Но если его,
Подчиняя колечевой страсти,
Все беречь и беречь
Для себя одного, —
То зачем же оно —
Твое счастье!..

Летом в столице нашей Родины Москве будет проходить VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Иностранные делегации, которые примут участие в фестивале, разумеется, побывают и в других городах. Представьте себе, как почувствует себя девушка, с которой я разговаривал, если о Золотых воротах ее спросят китайский юноша или, например, итальянская девочка!

Еще пример. В Киеве, как и в любом советском городе, многие площади, улицы, заводы, институты носят имена политических людей — революционеров, ученых, писателей. И вот я узнаю, что многие девушки, работающие на заводе имени Фёдора Ильина Г. Смирнова-Ласточкина, не знают, кто такой Смирнов-Ласточкин. А ведь это заслуженный человек, большевик-подпольщик, один из выдающихся героев гражданской войны! Он был организатором борьбы против иностранных интервентов и контреволюции в Одессе.

Примеров, подобных тем, что я привел, можно, к сожалению, вспомнить немало.

Любовь к Родине, в своих родных местах проявляется в разных делах — малых и больших. В Прикарпатье, в знаменитом городе нефтяников Бориславе, комсомольцы разбили из бывших пустырях кудесные парковые скверы, посадили тысячи деревьев и кустарников. И вот прошло несколько лет. Стадион Борислава точно молодежь. Летом он одевается в красный зеленый наряд. Не узнать Борислава, о котором великий украинский писатель Иван Франко писал как о городе, утопавшем в непрощаемой грязи.

Хорошую инициативу проявляют молодые патриоты. Пример их достоин подражания!

Разве мало у нас еще городов, районных центров, где дерево в диковину, а о цветах и говорить не приходится! А молодежь этих городов с разномысльным сердцем взирает на пустыри, которые хорошо бы быть обезлесены. Среди молодых людей порой встречаются даже и такие, которые, несмотря на пыльные улицы, которые хорошо бы быть озеленены. Среди молодых людей порой встречаются даже и такие, которые, несмотря на пыльные улицы, которые хорошо бы быть озеленены. Иной юноша стремится сделать приятное своей девушке, западает в парке на скамейке, купит сиреневые для букета. Что и говорить, хорошо, когда молодой человек проявляет внимание к своей девушке. Это очень красиво. Я сам был молож. Помню, сколько радости испытывала, когда дарил девушке хоть один цветок. Но добывать букеты таким варварским методом, каким пользуются некоторые молодые люди, — это бебозбарье.

Наши бесседы подходят к концу. Я хотел бы дать молодым читателям «Смены» еще один совет.

Мы говорили о том, что патриот должен знать свою Родину, должен быть патриотом, только на словах, а, главное, на деле. Он обязан быть готовым в любую минуту стать на защиту своей Отчизны, если надо, пожертвовать своей жизнью в борьбе за правое дело.

Чтобы патриотичный юноша совершил подвиг, должен морально готовить себя к нему. Но моральное воспитание — это только одна сторона дела. А физическая подготовка?

В годы войны мы в нашем партизанском соединении уделяли много внимания физическому воспитанию молодых бойцов, их спортивной подготовке. Поддавляющее большинство молодых партизан имело звания ГТО первой, а многие и второй ступени. Благодаря этому они были отличными стрелками, лыжниками, умелыми поварами. Они легко переносили морозильные перевалы, далекие кипарисовые рощи, невзгода, связанные с опасным трудом разведчика. Именно оттличная физическая закалка большинства партизан помогла нам успешно пройти боевые операции.

Мне хочется сказать вам: занимайтесь физкультурой, овладевайте различными видами спорта. Отличие нужны люди, крепкие и морально и физически.

Желаю вам успехов в жизни, труде, учебе. Дерзайте, будьте честными и патриотичными, любите свою Родину большую, сыновней любовью. Оберегайте ее исторические завоевания, будьте готовы всегда дать отпор тем, кто попытается посягнуть на ее независимость, и тогда вы с еще большим достоинством будете носить городское имя советских патриотов.

Фото

М. Муразова.

Во время перерыва между лекциями.

«От Калининграда до Владивостока — как — так предполагается назвать центральный научно-исследовательский институт, который должен выйти на экраны Москвы. Его авторы, дипломники операторского факультета И. С. Григорьев и В. Орлов, являются выпускниками Мурманского морехимического училища сформировавшего четырехмесячное плавание. Они покинут Гренландию, Египте, Индию, на Цейлоне, в Индонезии, Австралии, Новой Зеландии, Гондурасе, Канаде, США и т. д. Группа студентов операторского факультета просматривает на монтажном столе фрагменты будущего фильма.»

Уроки танца у студентов актерского факультета начинаются с первого курса.

Идет съемка учебного фильма «Убийцы» по одноименному рассказу Э. Хемингуэя. Режиссер, студент А. Токмакинский, дает последние указания актерам. На переднем плане операторы А. Рыбкин и Алфредо Альварес еще раз проверяют аппаратуру.

операторы Р. Кармен, Б. Волчек, сценаристы Е. Помещиков, М. Павла и другие. Многие из них преподают сейчас в институте, передавая свою знания и опыт молодым поколениям.

На факультете института учатся представители более тридцати семи национальностей. Они приехали сюда со всех концов Советского Союза, а также из стран народной демократии. В аудиториях и учебных кабинетах идет кропотливая, напряженная работа. Студенты изучают марксистско-ленинскую теорию и политическую практику искусства, овладевают языком. Они настойчиво овладевают бесценностями художественного кино.

Специфика кино требует от будущих актеров большой собранности, точности в передаче чувства героя. Но случайно поэтому в учебную программу, помимо занятий по актерскому мастерству, специальной речи, музыке, танцу, включены и другие познания. Самый обширный факультет ВГИКа — операторский. Он напоминает маленькую кинофабрику. В его гавайльонах при осветительном свете прожекторов осуществляются съемки учебных фильмов. Сюжетами для таких фильмов служат произведения русских и зарубежных писателей, а передко они снимаются со сценариями, написанными самими студентами.

Каждый год с наступлением лета студенты института отправляются на производственную практику. В это время их можно встретить в разных уголках нашей страны, почти на всех киностудиях. Под руководством опытных мастеров они закрепляют полученные за годы знания, пробуют свои силы в самостоятельной работе. О жизни и работе студентов института рассказывают фотографии, которые мы здесь помещаем.

Н. СИНЬКОВСКАЯ

Известный сценарист Е. Габрилович беседует со студентом сценарного факультета Д. Ивановым.

Студентка второго курса Виктория Кавалкина готовится сыграть роль Маши в кинофильме «Капитанская дочка» по повести А. С. Пушкина.

Студентка операторского факультета Рута Юркис никогда не расстается с кинокамерой.

На цветных снимках (сверху вниз): один из эпизодов дипломного фильма «Архимед». Волга Гуллян: сцены — студенты А. Карапетян, А. Панасюк и А. Ниточкин; студенты четвертого курса Людмила Гурченко в роли Лены Красильщиковой в эпизоде из фильма «Лыжная ночь»; кадр из хроникального фильма «От Налининграда до Владивостока».

Зимний лов рыбы на блесну — один из распространенных на Амуре. В воскресные дни и в часы, свободные от работы, сотни рыбаков выезжают на лед. На снимке: столяр Хабаровских судоремонтных мастерских комсомолец Виктор Марнов на подледном льду.

Фото Н. Суровцева.

В последние годы заметно расширились связи советских студентов с университетом в Московском университете. В Московском университете занимались химики Хокк Хуле, Юноша и Торвальд Хансен, и юрист Торвальд Торвальдсен.

В свою очередь, в 1954 и 1955 годах Норвежаны были советскими студентами Р. Левонтьев и В. Бабкин. Прошли обучение в университете Осло географ Мария Соколова и физик Рудольф Соколов по слушаньи Московского и Ленинградского университетов. Учебные занятия в этих городах Норвегии, встречались со студентами и учеными, наиболее интересными для них художниками и писателями.

Редакция обратилась с просьбой к аспиранту Марии Соколовой поделиться с читателями «Советской студенческой газеты» о пребывании в Норвегии.

«Мы прибыли в Осло. Прямо с аэродрома нас повезли в студенческий ресторан. Здесь за кружкой пива состоялось наше первое знакомство с норвежскими студентами. Провозглашались тосты за дружбу, за мир, за расширение культурного обмена между нашими странами. Было высказано немало теплых пожеланий.

Вместе с другими студентами-иностранными поселились в «Студентбюро» — студенческом городке, расположенным на окраине норвежской столицы. Мне предложили комнату. Кровать-диван, кресло, письменный стол, стул для журналов, торшер, полка для книг, шкаф, вделанный в стену, составляли ее обстановку. Все очень удобно, просто, хорошо. Пять таких комнат образуют студенческую квартиру с общей кухней, душем и умывальником.

В нижнем этаже общежития находятся тостинные с трикоидными каминами. Здесь студенты встречаются для дружеских бесед и веселомочных дискуссий. Однако мест в этом новом студенческом городке еще далеко не достаточно, и несколько сот студентов живут в старом общежитии по две-три человека в комнатах, а также в бараках, построенных в годы войны.

Летом «Студентбюро» превращается в отель для зарубежных туристов, доходы от которых покрывают расходы на студенческое проживание, пополнение библиотеки. Студенты во время летних каникул работают в отеле в качестве официантов, портье, горничных и прачек. Если все должности уже заняты, молодые люди направляются в другие отели, служат гидами в туристических бюро или старающимися на пароходах. Ничего не поделаешь: в Норвегии большинство студентов живут на студенческих стипендиях.

Посещение лекций и семинарских занятий, продолжительность которых не превышает четырех часов в день, в университете свободное. Заранее установленные скромных слушачек экзамен нет. Профессор принимает их, когда студент посчитает себя хорошо подготовленным. И отчасти поэтому, а также по причине того, что студенты не освобождаются от военной службы, которая отрывала их на полтора года от занятий, полный университетский курс занимает пять лет. Свободное посещение лекций дает возможность многим студентам совмещать учебу с работой.

Университет в Осло.

В НОРВЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

М. СОКОЛОВ

Правила поступления в университет тоже значительно отличаются от наших. Юноши и девушки подают заявление, вносят вступительный взнос и касаются вопросов о месте и времени вступления в члены местного студенческого союза. Вступительные экзамены на гуманитарные факультеты держать не нужно, но на естественных факультетах в том случае, если количество поданных заявлений больше, чем имеется мест в учебных лабораториях, объявляется конкурс аттестации.

В университете Осло молодежь получает разносторонние знания. Большую роль в этом играют практические занятия, включая обычную студенческую ходячку. Перед студентами выставляются видные политические и общественные деятели, учёные, писатели, художники, музыканты.

Аспирантура в нашем понимании в Норвегии существует. По окончании полного университетского курса выпускники могут продолжить свои занятия и получить степень магистра. На это, в зависи-

мости от материальных возможностей, наличия свободного времени и т. п., требуется уходить до пяти лет. Небольшая часть особо талантливых аспирантов обеспечивается стипендиями.

Многие вопросы волновали меня, когда я переступил порог Норвежского университета. Кто будет моим научным руководителем, с чего начинать занятия, как лучше организовать их? Однако все сомнения скоро рассеялись. Уже на следующий день после приезда нас познакомил ректор университета профессор Фреди Кацберг. Он подробно рассказал меня о дальнейшем. Затем был назначен директор географического института в Осло профессор Франтишко Исаакен, который, узнав, что я интересуюсь вопросами размещения производственных сил различных стран, вызвался быть моим научным руководителем. Оноказал мне большое содействие в получении материалов в Государственном статистическом бюро и в Норвежском промышленном союзе.

Норвежские студенты-географы на экскурсии в Швеции.

Позднее профессор Исаакен возглавил экспедицию, самое более интересное экономико-географическое открытие района юго-востока Норвегии и примыкающим к нему западным районам Швеции. Моя было любезно предложено принять в ней участие. В результате я собрал ценный материал о развитии промышленности в Скандинавии, о гидроэнергетическом хозяйстве ее. Все это было особенно интересно еще и потому, что Норвегия по производству электроэнергии на душу населения стоит на первом месте в мире. Я вернулся в Осло в сентябре 1955 года.

Благоприятные природные условия и большой опыт норвежских инженеров позволяют сооружать мощные гидроэлектростанции, широко внедрять автоматическое управление и добиваться исключительно низкой стоимости электроэнергии — в среднем не более полутора копеек за киловатт-час.

Мой руководитель предложил мне совершиТЬ самостоятельную поездку — в горную провинцию Телемарк. Я посетил районы нового гидроэнергетического строительства и электромеханические заводы концерна «Город Гильдена».

Ученые, преподаватели университета

предупреждали, что каждый студен-

тант в течение семестра прочитает на семинарских занятиях доклад.

Мой доклад на тему «Развитие и

размещение гидроэнергетики в Со-

ветском Союзе» был выслушан,

как мне кажется, с большим вни-

манием.

Но, пожалуй, наиболее яркое впечатление у нас осталось от встреч с молодежью. В тот семестр в Осло находились студенты многих стран. Часто проводились английские, немецкие, американские, французские вечера в канун праздников. Однажды устроили вечеринку, где были устроены «шашлыки» и «шашлычки». Гости на вечеринке были показаны документальные фильмы «Московский универ-

ситет» и «Путешествие по Волге».

Многих мыслей вызвали эти кино-

картины.

— И я учился у академика Несмеянова — воскликнул в беседе со мной Хокк Хуле. Юноша вспомнил о времени, проведенном в МГУ, рассказывая о сердечности и радушности русских товарищей.

Гостей на этом вечере интересовало все: как у нас организован учебный процесс, какая футбольная команда выиграла кубок, как осуществляется материальное обеспечение студентов, каким образом устроена стипендия. Многим казалось невероятным, что советские студенты получают по окончании учебы назначение на работу, что стипендия у нас выплачивается даже в канун курильного времени. Встреча прошла живо, интересно. А в заключение спели «Катюшу» и «Стеньку Разину».

Норвежцы приглашали нас к себе домой, на собрания различных общественных организаций, и мы смогли воочию увидеть, что люди здесь очень интересуются тем, каким образом решаются в тем или ином вопросе. В частности, в теме, каким образом Комунистическая партия, как партия рабочего класса, стала лидером в стране. Мы были свидетелями огромного успеха фильма-балета «Ромео и Джульетта», пьес Чехова и Горького, музыки Чайковского и Шостаковича, популярности произведений Л. Толстого и Ф. Достоевского. Го. То же время нам приходилось слышать и такое: «Говорят, у вас на улицах сибирских

городов медведи бродят»; или: «Ваша молодые люди должны иметь на жанките разрешение комсомольского борта?»

Но подобные вопросы не удивляли нас. За летние пребывания в Норвегии мы не раз слышали: «Мы соседи, а знаем о вас так мало!» Норвежские студенты и педагоги жаловались на то, что у них мало русских книг и почти невозможно достать аннотированную на западноевропейских языках русскую научную литературу. Когда же мы помогли университетскому книжному магазину организовать выставку-продажу советских книг, изданных на немецком, французском и английской языках, успех ее был необычайный.

Норвежские газеты не раз писали о нашем пребывании в стране. «Что Вы можете почерпнуть для себя в Норвегии?» — с таким вопросом ко мне обратилась газета «Верденганс». Я ответил: «Для нашей страны, в частности для Карелии и Кавказа, большую практическую ценность представляют проблемы, связанные с использованием гидроэнергосистем Норвегии. Нам есть чему поучиться друг от друга, мы можем систематически, гораздо чаще, чем раньше, обмениваться своим опытом, студентами, рабочими и молодыми людьми, получившими образование в профессиональных школах». Кажется, мой ответ пришелся по душе норвежцам.

После окончания семестра в университете Осло мы по просьбам Норвежского союза студентов и Норвежского студенческого общества совершили поездку по стране. Всюду — и в Высшей технической школе древнего Тронхейма, и в западнорвежском городе Буде, и у рыбаков Лофотенских островов — мы встречали радушные и гостеприимные. Везде зазывались задушевные беседы. Молодые норвежцы говорили нам, что их заинтересует — помимо языка. Мы скажем, а многие любители спорта и народного искусства рассказывали нам, что они сейчас усиленно тренируются и репетируют: может быть, удастся поехать на VI Всемирный фестиваль.

Стремление поближе узнать советскую молодежь, подружиться с ней мы замечали не только у норвежцев. Американец Боб Бейман, недавно закончивший университетский курс в штате Миннесота, собравший в Осло материалы о применении статистических методов в сельском хозяйстве, сказал:

— У нас с вами много общих интересов. Почему же нам не дружить? Вы даже не представляете, какой отклик в нашей стране получила обмен визитами сельскохозяйственных

Этот снимок взят из норвежского журнала «Университет». На туристской базе в пригороде Осло собирались студенты из аспирантур разных стран. Слева направо: Алан Гард (Канада), Филипп Бирн Мирсон (Сталинград), Рад Холлов (Ленинград), химик Виалин Фредрикссен (Осло), географ Марк Сонолов (Москва).

заявительных делегаций. Такие встречи очень обогащают друг друга, а ведь студенты могли бы встречаться гораздо чаще, чем фермеры или дипломаты.

«А что в этой войне заложники?»

Боб Бейман однажды заметил:

— Мы, студенты, гораздо быстрее можем договориться, чем «высокие договаривающиеся стороны».

И мы с вами должны это сделать в первую очередь: ведь наши великие страны задают тон международному общественному мнению.

Несколько месяцев, проведенных в Норвежском университете, прошли очень. Но они остались глубокий след в нашей жизни и в жизни норвежских друзей. Студент Вильям Фредрикссен, которого мы за отеческую забогу о нас звали папой, пишет мне в Москву письма и подписывает их так: «Твой друг и папа». Председатель студенческого общества города Осло, один из наших внимательных и радищих хозяев, Кристян Лазе, неожиданно для меня и был у меня дома. Мы вместе читали «Правду», в которой в дни боя опубликовано соглашение о расширении культурных связей между нашими странами, в том числе и о развитии студенческого обмена.

Пользясь от такого объема очевидца, я думаю, что с этим вполне согласны и норвежцы, унившиеся в Московском университете. К сожалению, в этом году обмен между нашими странами студентов не состоялся, причем в связи с почином руководства Национального союза студентов Норвегии (НСС). Из сообщений норвежской печати и из писем моих норвежских друзей видно, что позиция руководителей НСС не отвечает интересам широких студенческих масс Норвегии, которые стоят за продолжение обмена студентами. Я помню, как горячо поддерживала идею международного студенческого соревнования, молодежи и специалистами наших стран молодежи Осло, Бергена, Тронхейма. Советское студенчество всегда выступало и выступает за развитие связей с норвежскими студентами. Мы уверены в том, что обмен студентов между Норвегией и СССР станет традиционным.

К заключению мне хочется еще раз подчеркнуть мысль, которую я неоднократно высказывал много норвежским друзьям: «Вот тогда, как мне казалось, всегда находила у них одобрение и поддержку. Давайте закреплять и расширять международные студенческие контакты, несмотря ни на какие различия в наших философских, социальных и политических взглядах!»

С заключением мне хочется еще раз подчеркнуть мысль, которую я неоднократно высказывал много норвежским друзьям: «Вот тогда, как мне казалось, всегда находила у них одобрение и поддержку. Давайте закреплять и расширять международные студенческие контакты, несмотря ни на какие различия в наших философских, социальных и политических взглядах!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРАСИВЫЕ ЛЮДИ

Закрывая сборник стихов молодого поэта, невольно спрашивается: какой новый уголок жизни открыл для автора в своем крае людьми незнакомыми, над чьим бытвием призадуматься? Может быть, поэтому, прочитав книжку стихов Игоря Кобзева, «Мои знакомые», мы испытаем желание по говорить о ней.

Для молодого человека, вступающего в жизнь, вполне естественно попытка определить свою отношеніе к миру, поять, что он должен стать в нем. И это вопрос, видимо, вставал и перед поэтом.

С горячей юношеской неторопливостью он отвечает на него: иди прямым путем! Первый сборник стихов И. Кобзева так и называется — «Прямые пути». Позже ведущий и определяющей темой поэта становится духовная красота советского человека.

Несколько слов о поэте. Естественно, что где-то, где-то ли, близко ли от тебя, страдает хоть один честный человек. Поэт суроно ставит под сомнение даже свое право на обычное веление, потому что «быть может, рядом кто-то плачет».

Самая сильная сторона творчества И. Кобзева — умение в поэтических миниатюрах запечатлеть картинки родной природы, тональность ее оттенки, свою прекрасность, ее магию, магию которой рассказывать о людях, которых видят он вокруг себя. Автор подмечает, как:

...в горах погас последний
Будто там захлопнулось оно,
слышит, как:

Теплый дождь с большой левой
Медленно зашелепал босинок.

И. Кобзеву чуждо назойливое стремление поучать. Вымысел срывается из живых, полных стремительного движения, а то и несессерного юмора картинок. Наиболее

характерно в этом отношении стихотворение «Случай в трамвае». Любитель дореволюционных поэтических романов позорно спрашивает незнакомого друга с другом, но единими выражениями с любовью к Родине — пассажирами.

Известная декларативность, характерная для первого сборника И. Кобзева, постепенно исчезает в «Моих знакомых». Теперь мысли воплощаются в конкретные, эримые образы: шутка, ласковое слово придают изображаемому своеобразие.

Гордый стихов И. Кобзева — человек творческого труда, который хорошо умеет «жалеть спирината», но не научился пока еще «готдхаре». Познания труда для блага Родины объединяет всех советских людей. Поэтому-то и корреспондент и инструктору райкома...

...понок неает
Одна печаль, одна и та же
Опить довки... Опить полы азьльт...
А молодые уходит из деревни.
(«В командировке»).

Но, рассказывая о красавицах людях, поэт не умеет пока еще во весь рост кариковать портрет молодого советского человека. Его юноша — это не идеал, а существо, которое, попав в мир, с таким же успехом действует склонет, лет дразнить того назад. Более того, иногда она вообще творят всякие конкретные черты, становятся безликими барышнями и ловеласами («Письмо девушки», «Невеселая песня», «Обида»).

Есть еще у И. Кобзева и стилистические промахи, встречаются и неизбежные ошибки, маловажные, но впечатляющие. Однако в целом сборник стихов «Мои знакомые» заставляет вскризать верить, что поэт имел правильный дорогой и его новые произведения будут еще одним шагом на пути к большой литературе.

А. КОМИССАРОВА,
И. МЕЛЬНИКОВ

«РАВИ И ШАШИ»

Эта книжка появилась вскоре после того, как индийские слояния Рави и Шанши вступили на советскую землю. Весть о прибытии в Одессу этих необыкновенных посланниц далекой и чудесной страны доставила всем много радости. Писатель Сергей Барудзин, кажется, особенно ярко почувствовал радость и запечатлел ее в своей поэзии.

Обаянием и теплотой восстает с каждой страницы книжки. Автор повествует нам, кажется, о самом обыкновенном: где родились слоянья, как они жили, что чувствовали во время пути в Советский Союз на теплоходе «Ставрополь», чем и как их кормили, — но все это выглядит светлой, радостной сказкой. Каждый эпизод завладевает читателем, заставляет его поверить в чудеса.

Книжка Сергея Барудзина «Рави и Шанши» заслуженно получила за короткое время широкое признание юных читателей.

К. ВАСИЛЬЕВ

По комсомольской путевке

Более шестнадцати юношеских и девушек из Краснодара, Новороссийска, Самарканда и многих других городов нашей страны приехали по комсомольским путевкам на строительство Еманжелинского цементного завода Челябинской области. Среди молодых патриотов была и Галина Лашина. У себя в родине в Новокузнецке девушка окончила среднюю школу, а на стройке с помощью токвариши успешно овладела профессией электросварщика. Специальность строителя Галине очень понравилась. Она решила совершенствовать ее в дежуре и теперь без отрыва от производства учится в строительном техникуме. И в селе ее поддержал производственник электростроительства Галина Лашина.

Фото В. Исламова.
г. Челябинск.

ФОТО наших членов

«СТИПЕНДИЯ СМЕЕТСЯ»

«Стипендия смеется» — так называли участников кинопроекта «Написано на холсте», кинокомпания которого сняла фильм о жизни родного института, первым в стране учредившего стипендию Руслас. В комитете комсомола одобрили назначение николобетовской рабочей группы. Фильм снимался около месяца. Эту знаменитость отдавали этому делу все свободное время. Стартом проекта был не только инициатором создания картины, но и автором сценария режиссером-дебютантом Роли. Фильмы исполнили Ионас Климанас, Юрий Сугра, Бранислав Таварич, Янко и Ионушница. Первая работа институтских кинолюбителей вызвала интерес интеллигентской общественностью. Сейчас энтузиасты готовят к съемке новую картину о работе фабрики по изготовлению Весеннего фестиваля моделей.

На фото: рабочий момент съемки фильма «Стипендиа смеется».

Фото А. Шаркаускаса.
г. Вильнюс.

ПИСЬМО МАТЕРИ ГЕРОЯ

В школе № 5 Кагановичского района города Харькова есть пионерская дружина, которая носит имя Героя Советского Союза Юрия Смирнова. Недавно пионеры этой дружины

получили письмо от матери героя Марии Федоровны.

«Дорогие мои дети,— говорилось в письме,— я очень благодарна вам за то, что вы спасли читателя память моего родного сына, который отдал свою молодость за счастье советского народа». Ее славной молодостью Мария Федоровна пожелала ребятам здоровья, успехов в учебе, друзей и напомнила выше держать и знамя дружинника. Письмо вдохновило пионеров. На собрании артистов ребята решили прислонить все усилия к труду отечества к высокой чести — звать ее смиряющим.

На этом скажу вы видите (слева направо): старшую пионервотряду Александру Чайленко и членов совета отряда: Наташу Ермилову, Виту Капитонова, Катю Ермолову. Они читают письма матери героя.

Фото И. Гейко.
г. Харьков.

В ГОСТИХ У ПОГРАНИЧНИКОВ

Крестьянская дружба связывает пограничников Н-ской части и пионеров города Баку. Недавно школьники на пионерских сборах и комсомольских собраниях решили провести месчанин дружбы с воинами. Учащиеся, добившиеся во время учебы отличных результатов, получили право посетить пионерский лагерь на поездку в гости к пограничникам. Это почетное право заслужили комсомольцы Сослан Течев, Сергей Аланисов, пионеры Жанна Городецкая, Мисла Еланова, Гульнара Ильясова и другие. Нина Федоровна Блохина на словах друзей. Ребята привезли пограничникам подарки, приобретенные на деньги, вырученные за сдачу макулодестабилизаторов. Всех радиодетей и пионеров гостеприимно встретили и поздравили пограничных заслуженных. Ни был показан большой концерт художественной самодеятельности. На память о незабываемой встрече пограничники вручили ребятам свои подарки. Друзья вместе сфотографировались. Этот снимок мы помещаем здесь.

Фото В. Земскова.

БИОГРАФИЯ КОЛЬЦОВА И ЕЕ АВТОР

В один из февральских дней 1867 года студент четвертого курса Главного педагогического института Николай Добролюбов встретился с известным книгоиздателем А. И. Глазуновым. Они договорились, что Добролюбов к середине марта того же года напишет книжку об Алексее Кольцове, и Глазунов выдал ему в качестве задатка в счет гонорара 25 рублей.

Что касается младшего сына, Александра, то он тоже достиг значительных успехов, не раз оказываясь победителем в соревнованиях по плаванию на первенство Москвы среди юношей. Недавно он занял первое место в состязаниях плавцов Московского и Львовского институтов физической культуры.

Пристрастия к водному спорту и Светлана Дробинская — жена Виктора, студентка Московского историко-архивного института.

Всего на спортивном счету Дробинских 30 рекордов, 156 дипломов, 100 медалей и жетонов.

СЕМЬЯ РЕКОРДСМЕНОВ

Текст Б. Эпельфельда, фото М. Озерского.

Посмотрите на верхний снимок. Не правда ли, трудно поверить, что все эти спортивные «трофеи» принадлежат одной семье? Сколько здесь кубков, медалей, дипломов! Их, пожалуй, хватило бы на иное спортивное общество...

Неохотно покидает Виктор водную дорожку. Но ничего не поделаешь, пора собираться домой...

Семья Дробинских состоит всего из пяти человек, но каждый из них является здравым спортсменом.

Тамара Владимировна Дробинская — мать семьи — с детских лет полюбила водный спорт. С годами, в результате упорных тре-

нировок, к ней пришло мастерство. Она одерживала победы над сильнейшими соперницами. Когда Тамара Владимировна стала матерью, она твердо решила не оставлять любимое занятие. В муже она нашла национального союзника, ибо сам он не меньше ее увлекался водным спортом. Он был излюбленным плавцом участников Первой спартакиады народов СССР. Михаил Александрович делал все от него зависящее, чтобы

жене имела возможность тренироваться.

Любовь родителей к водному спорту передалась в сыновья — Виктору и Александру. Часто можно было видеть семью Дробинских на водных дорожках. Сыновья старались обогнать мать, и Тамара Владимировна радовалась, если это им удавалось.

Теперь Виктор как спортсмен оставил далеко позади своих родителей. Он неоднократный чемпион Москвы по плаванию, участник XV Олимпийских игр, а также Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Будапеште. В составах различных делегаций ему доводилось побывать во многих странах Европы.

Что касается младшего сына, Александра, то он тоже достиг значительных успехов, не раз оказываясь победителем в соревнованиях по плаванию на первенство Москвы среди юношей. Недавно он занял первое место в состязаниях плавцов Московского и Львовского институтов физической культуры.

Пристрастия к водному спорту и Светлана Дробинская — жена Виктора, студентка Московского историко-архивного института.

Всего на спортивном счету Дробинских 30 рекордов, 156 дипломов, 100 медалей и жетонов.

А вот и вся семья Дробинских: отец — Михаил Александрович, по специальности инженер-строитель; мать — Тамара Владимировна, тренер по плаванию, невестка Светлана и сыновья Виктор и Александр — студенты московских вузов.

Тамара Владимировна работает тренером по плаванию в Центральной детской спортивной школе. Внимательно следит она за каждым движением своих юных питомцев. Кто знает, может быть, некоторые из них в будущем станут чемпионами!

Через полтора года на полках московских и петербургских книжных лавок появилась новинка, которая привлекла внимание читателей. Книга называлась «Чтение для юношества. А. В. Кольцов: его жизнь и сочинения». В ней помещены биография поэта и лучшие его стихотворения. Имя автора этого критико-биографического очерка не было указано.

Статья Добролюбова не включена в одно из семи изданий его сочинений, вышедших в течение пятидесяти лет после смерти критика. Лишь в 1911 году М. К. Лемке, основываясь на дневниковых записях Добролюбова, впервые включил его статью о Кольцове во второй том первого полного собрания сочинений Н. А. Добролюбова.

Вероятно о том, что имя Добролюбова как автора статьи о Кольцове не было известно до 1911 года, бытует и в настоящий время. Однако это неверно. Уже через пять лет после смерти Кольцова, в 1866 году (по старому стилю), в газете «Московские ведомости» появилась небольшая статья «Библиографические заметки». Автор ее поднялся инициалами «А. П.» Он не только раскрыл имя биографа Кольцова, но и дал высокую оценку этой биографии.

«Биография Кольцова», — говорилось в статье, — написана покойным Добролюбовым, это может служить рулеткой, потому что эта написанная статья имела неизвестно, в заглавии книги... — может быть, он по каким-либо причинам не желал выставлять его при жизни; но теперь, когда его уже нет в живых, нам кажется, что нет причин оставлять это в тайне, тем более, что биография Кольцова отличается теми же самыми достоинствами, которыми исполнены другие статьи Добролюбова, доставившие ему в короткий срок почтенную известность в литературе.

Нам удалось установить по архивным документам (томографический лист «Московских ведомостей»), что А. П. — известный поэт-петербуржец Алексей Николаевич Плещеев. Отбыл ссылку, он возвратился в Москву и установил связь с прогрессивными деятелями русской литературы.

Тяжело пережившая смерть Добролюбова, с которым он виделся лишь несколько месяцев назад, Плещеев проявлял беспокойство по поводу будущего наследства великого критика. Зная, что книга, которую написана Добролюбовым, он поспешил раскрыть имя автора в своей библиографической заметке,

В. ГУРЬЯНОВ

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Боль в животе была нестерпимой. Завывая, я каталась по постели, а иногда взлетал на несколько футов над кроватью. Моя мать, жена и тетка, глядя на меня, пришли к единодушному мнению: «Еще один такой прыжок — и кровь разливется по всему телу!» Потом сказали, они почли за лучшее сказать меня: Что кажется моей жены, то она была очень рада этому решению, так как уже на второй день после смерти предполагала видеть меня связанным.

Когда я был причудливо изувечен, женщины приились смеяться: какого же доктора поставили!

— Доктора Тарпахти нам нельзя было, — сказала моя мать. — Тетка зеркально помнила, Джакумина (Джакумина — моя тетка), когда мы вызывали к тебе доктора Тарпахти, нам пришлось заплатить ему за визит сладеньких рупий.

— Шестьдесят рупий! — воскликнула тетка. — Этому шарлатану — шестьдесят рупий! Да он же совсем и не лечил меня!..

— Умираю я кричал! — лучше бы меня умереть! — бушевала тетка. — За что вы отдали ему столько рупий?

— Ох, о-о-ох! — стонала я. — Да замолчи ты! — сердито прикрикнула на меня жена. — Ведь для тебя стареемся...

— Нет, ты скажи! — кричала тетка, хватая жену за руку. — За что вы отдали этому собачьему хвосту шестьдесят рупий? Я вылезла из своих средствами. Целую неделю пила настой из травы.

— Да, но, кроме этого, вы пили еще и по полтора литра молока в день, — напомнила моя жена.

— Это я-то пила молоко! — заинтригала тетка. — Да чтоб твои

бесстыжие глаза лопнули! Где у тебя совесть?

— Если уж говорить о совести, — всплыла жена, — так это мы ее потеряли! Живите у нас шестидесят лет от отъезда даже и не закатались!

Тетка схватила палку и набросилась на мою жену. Мать попыталась ее остановить. Тогда тетка кинулась на нее. Между сестрами завязался жестокий бой. Я стоял, катаясь по постели, но никто уже больше не обращал на меня внимания.

Наконец, окочательно обезумев от боли и испустив пронзительный крик, я покатилась на кровать. Тогда жена спряталась и побежала за доктором. Она отдала доктору Тарпахти свою золотую браслет и привела его с собой. Прежде всего доктор Тарпахти освободил меня от пут, а потом,

просунув ложечку между зубами, попытался открыть мне рот.

— Что случилось? — спросил он.

— Умираю! — прохрипел я.

— Ну, это не страшно, — заверил меня доктор. — Чем ты болен?

— Как же так! — возмутился я. — Деньги получили, а теперь у меня же спрашиваете, чем я болен!

Но я в это время снова началась приступ: я взлетел над кроватью, задел доктора и сбил с него очки, которые разбрзались вдребезги.

Доктор с неизвестностью уставился на меня.

Вытките стомонии очков из браслета, — поспешила исправить положение моя жена.

Тогда он милостиво приступил к осмотру. Долго и внимательно с помощью резиновой трубки высушивал шумы в моем сердце и храни в легких, простирая спine, а потом с такой силой нанес на живот, что у меня в

глазах позеленело и я завопил во все горло.

— Все ясно! — сказал доктор. — Боль под нижним ребром.

— Под нижним и над верхним, — вмешалась мать. — Этими мы не знаем. Но, конечно, вас, выпишите самое лучшее лекарство, начните нашу крохотки грант гибель!

— Я выпишу рецепт, — сказал доктор, — а если большой и впредь будет вести себя подобным образом, ссыпалите его, это тоже иногда помогает.

Всю ночь я не смыкал глаз, ворочался с боку на бок и стонал. Иногда просыпалась моя старшая брат, которому я мешал спать, и, видя мое страдание, сочувствовал.

— Ты постараешься заснуть. Считай до тысячи, не заметишь, как заснешь.

Я пробовал считать. Считал до тысячи, до трех, до пяти, дошел до миллиона, но заснуть так и не смог...

Три дня лечил меня доктор Тарпахти, три дня давал мне слабительное, три дня кричал я от

Кришан ЧАНДАР

Рассказ

боли и проклинал моего лекаря (в душе, конечно). Наконец по совету старшего брата жена зажгла свою вторую браслет к присяге и моя доктора Гобхан Палак. Он был самым известным, самым знаменитым, самым ученым врачом в городе. Его титул даже в сокращенном виде состоял из девяти букв: С. В. П. Ч. С. П. Д. Д. Т. Его врачебных практик были поставлены на широкую ногу и, следут признаться, с тонким пониманием дела. Лечебное заведение доктора Гобхана Палака помещалось как раз в самом центре города, где мастеря и в непосредственной близости от лавки торговца принадлежностями для погребального костра. Представители этих профессий нарядившись ни могли на своего соседа-доктора. Дела их шли отлично.

Доктор Гобхан Палак с серьезным видом приступил к осмотру.

— Где у вас болят? — спросил он.

— В животе.

— А ноги не болят?

— Болят, когда их стягивают веревкой.

Доктор Палак долго процушивал мой живот, высушивал трубкой, а потом сказал:

— У него в желудке опухоль. Он достал свой бланк, на котором был напечатан полный его титул С. В. П. Ч. С. П. Д. Д. Т. и выписал рецепт — слабительное.

— Что означает С. В. П.? — спросила моя жена.

— Смерть всем пациентам! —
пояснил я... А Ч. С. П...

Но я не успел расшифровать эти буквы: доктор вырвал из руки жены рецепт и заревел:

— Довольно издаваться!

Мой брат попросил за меня извинения, доктор смягчился, и инцидент был исчерпан.

В тот же шестнадцатый принимал я холода, но боли не утихали. Наконец на семейном конвенте было решено пригласить хакима Бхура Хана. Он нашел у меня болезнь почек. Мать очень встревожилась и вечером привезла ко мне занхара Баджана Шарму. Баджан Шарма достал два пузырька с белой и голубой жидкостью, и, когда смешал их вместе, получилось нечто похожее на патентованное средство для выращивания волос. Затем он вскрыл один из пузырьков и выплюнул его, после чего образовалась настоящая зубастая паста. Проделав над ней еще ряд манипуляций, попеременно разбивая ее снарябьими то из одного, то из другого пузырька, он наконец перелил все в одну бутылку, на которой красовалась этикетка «Смерть мухаммад».

Потом ученик ландита, равнодушно смотря на мое мучение, прорыдал мимоходом по греческой медицине. В течение двух часов он доказывал пренувучество занхарей перед докторами. За это время Баджан ушел на работу, жена с теткой успели приготовить обед. Наконец я не выдержал и повернулся лицом к стене. Но ландит ничуть не смущился. Он увидел кошку, сидевшую возле моих постели, и все свои дальнейшие соображения по поводу временного искусства стал делегировать ей, поминутно призывая ее в свидетели.

Наконец тетке с большими трудом удалось прервать поток красноречия Баджана Шармы, втолковав ему, что все домашние сегодня очень торопятся, так как им надо поскорее пообедать и идти на похороны одного из родственников. Только тогда ландит обратил свое благосклонное внимание на меня.

Сначала он пощупал мой пульс, потом ознакомился с моими пятками и долго и глубокомысленно изучал большой палец моей правой руки.

— Это мой большой палец — подсказал я.

Ландит не удостоил меня ответом. Он оставил палец в покое и принял за ухо. Я задрожал, предчувствуя недоброе. Несколько раз он сильно дернул меня за ухо. Я невольно вскрикнул.

— Что больнее, ухо или живот? спросил он.

Ландит поднес кулак к моему подбородку, хорошошенько примирялся и нанес сокрушительный удар в челюсть.

— А теперь что больше болит: подбородок или живот?

Подбородок, — пролепетал я, теряя сознание.

Он замахнулся было палкой, желая ударить меня по голове, но жена схватила его за руку.

— Ой, ой, что вы делаете, ужаляемый!

— Высвисти, где у него болит!

— Но у него же болит живот!

— В самом-то деле, что это еще неизвестно, — невозмутимо ответил ландит. — Желудок у него в порядке. У него — кходраподжаш.

— Это что, новый вид проказы? — осведомился я, корчась от боли.

Ландит посмотрел на меня кротким взглядом, как бы выражая сочувствие моему полному невежеству.

— Нет, — сказала она. — Это такая болезнь, которая поражает один орган человека, а ему кажется, что болят совсем в другом месте. Такая болезнь называется кходраподжаш. Так вот, — закончил он, пристально глядя на меня, — для того, чтобы узнать, что же у тебя все-таки болит, мне придется несколько раз опустить на тебя свою палку.

ложились спать, прибегал кто-нибудь из моих друзей и приносил свое собственное «самое лучшее, испытанное» средство.

— Это лекарство я испробовал на себе, — убеждал меня друг. Его рецепт дал мне один тибетец.

Болей-неволей, чтобы не обидеть друга, мы приходились испытывать и это лекарство. Оно почему-то подействовало на мое зрение. В результате меня стало двоить. Там, где сидел друг, появлялось два друга, там, где стояла жена, появлялся сразу две жены. (Мне кажется, что многие захотят утаить секрет изготовления такого лекарства, но я не скажу никому.)

Я слабей день от дня. Доктора макнули на меня рукой, лекари и занхары отступили. Все стало ясно, что я не живец на этом свете. Моя друзья, засыпав с родичами в нашим квартале, понимающе говорили: «Слышишь, это кричат в квартире доктора Тарпатхи. Несчастный Хархир Хаттумер!»

Однажды около нашего дома поссорились два пьяных, а потом помирились и, бросившись друг на друга, стали обниматься и плакать. Соседи, увидев эту сцену, подумали, что я умер. К нашему дому начали сбегаться люди. Женщины кричали, причитали, били себя кулаками в грудь. Вскоре собралась огромная толпа. Каждый стремился сказать обо мне что-нибудь хорошее:

— Ему бы еще жить да жить! Правда, человек он был неважный, но мужественный. Как он боролся со своей болезнью!

— Да, но кто в силах побороть смерть? Несчастная его жена, что она теперь будет делать?

— Такая молоденькая, ей и двадцати лет не满了.

— Двадцать пять! — воскликнул кто-то. — Да ей до тридцати пяти одного дня не хватает!

— Что ты болтавши? — возмутился первый. — Я точно знаю, что ей двадцать пять, и ни днем больше!

— Не болтай задором!

— Заткнись!

Назревала ссора. Из дома выбежала мать, чтобы унять спорщиков:

— Зачем вы ссоритесь? Мой

мальчик жив, мой мальчик не умер!

Но никто не обращал на нее внимания. В самый разгар спора подоспела полиция и забрала крикунов.

Теперь уже все были недовольны мною. Во-первых, из-за мыльных в квартале произошла ссора, во-вторых, и это главное, во-преки утверждениям врачей я до сих пор об馊ал свою жизнь. Приятелям надлежало ежедневно приходить и спрашиваться о моем здоровье. В их взглядах я читал упрек: «До каких же пор ты нас будешь мучить?» Каждый день мы приходили к тебе в дом в надежде услышать, что несчастный Хархир Хаттумер, а ты все упрямься. Посмотрим на себя, ведь от тебя остались одни kostи да кожа, голова пропал, взор помутнел, а ты все цепляешься за жизни!»

Наконец из Лондона приехала моя младшая сестра со своим мужем, профессором-психологом. Ее учений муж, призвав на помощь все свои познания в области этой науки, осмотрел меня и вынес заключение: параплич!

— Параплич! — удивился мой старший брат.

— Да, — уверенно заявил доктор.

По странной игре случая, имени которого я не помню, Наконец был поставлен правильный диагноз и я узнал, что мучаюсь все же не от опухоли в желудке, а от параплича, я умер!

Мои домашние были в отчаянии. Жена посыпала голову пеплом вместо киновари и разбросала всем стеклянные браслеты. Мать отказалась принимать пищу, тетушка тоже. Но я не следил за тем, что сказали. Не знал только о людях. Но потому что всех выпила из кухни полтары ложек молока и делала вид, что головной всплеск.

Моя друзья и соседи набились в дом и, стоя кучками, шепотом переговаривались друг с другом.

— Послушай, я к тебе зайдет его место в кантонере! — спрашивал мой приятель Камил, ходивший в это время без работы.

В кантонере, принадлежащем конторы Госсами-санбом!, спросил другой приятель:

— В том-то и беда, что нет! — разочарованно ответил Камил.

— Ну, ничего, я познакомлю вас с ним! Место останется за вами!

Лицо Камила засияло счастливой улыбкой. Он взирал на мой хладный труп глазами, полными надежды.

А чужие подавали мой закадычный приятель Душваннатх говорил Раджендри:

— Ты знаешь, Раджендри, по-кийный Хархир Натт остался мне должен двести рупий. С кого же мне теперь их получить?

— А у меня он занял триста рупий. Надул, подлец!

Я жил хоть и был мертвым, но все слышал. Оба они приврали, так как у Душваннатха я занимал все лишь шестьдесят рупий, а у Раджендри сто. Но что это за дураки! Их страшные смерти ближнего не прихватывают своей добротой и щедростью по отношению к нему!

...По дороге к месту сожжения Харенда Кумар сказал, подставив плечо:

— До чего же тяжелый, подлец! А я и не думал.

— Интересно, не прошло и четырех часов, как умер, а от него так смущает, что снести голову... Могилы... — сказал другой мой приятель, Дигаган Каушу.

— А как же! Ведь он, подлец,

ни разу в жизни сам не вымылся.

Один раз его обмывали, ко-

гда он родился, другой раз, ко-

гда умер!

Наконец меня привезли к месту сожжения и положили на костер. Но здесь произошло непредвиденное событие: пошел дождь. Все присутствующие закрыли зонтики, и я начал вымокать. Никто не догадался подержать надо мной раскрытий зонтик.

Через некоторое время, когда дождь прошел, мать подошла ко мне, почесала в лоб и заплакала. Моя жена все бросасько

ко мне с криками:

— Положите меня вместе с ним! Сокрите меня вместе с ним!

Каждый раз ее оттаскивали, но она вырывалась и снова кричала:

— Положите меня вместе с ним!

Я хочу спрятаться вместе с ним!

Она сидела себе явно неизвестно, там или конкретно из присутствующих было известно, что дров для костра было так мало, что их вряд ли хватит на одного меня...

И вот после долгого чтения на-
пугственных молитв брахман по-
дал знак зажигания костра. Я об-
легченно вздохнула. Наконец-то со мной все будет конено!

Но, боти, что я вижу? К моему
костру бежит юг, размахивает
руками и что-то кричит.

— Стойте, пожалуйста! — проговорила он, задыхаясь. — Остановитесь! Я оживлю мертвых! Я могу оживить мертвого!

Все присутствующие с удивле-
нием уставились на него. А юг,
склонившись надо мною, внимательно осматривал мои ногти и венки.

— Его можно воскресить! —
радостно воскликнул он. — В его
мозгу еще теплится жизнь! Беги-
те скорей и привнесите мне на-
воз черной буйволицы, кусочек
массала, голубь, хвост черной
пингвины и змеиную шкуру.

Здесь я не выдержал и, вскочив с костра, закричал:

— Нет, нет! Я больше не буду

поместиться! Ради всех богов дай-

те мне умереть! Подождите ко-

стерь! Умоляю вас, подождите ко-

стерь! Сокрите меня, но не кор-

мите больше лекарствами!

У юга глаза выплыли на лоб. Все присутствующие были ужас-

уставлены. Несколько

минут они молча скотали, а по-

том бросились бежать кто куда,

сломя голову. Все мои друзья и

приятели, отец, мать, жена, тетка

и юг летели, не разбирая до-

роги.

Мертвый воскрес! В эту минуту я открыл глаза и увидел, что ле-
жу не на костре, а у себя в по-
стели, в головах у меня стоит
жено, трясет меня за плечо и
приносит чай!

— Вставай, лентяй, вставай! Уже
десять часов, до каких пор мож-
но спать?

Перевел с урду
В. БАЙДАКОВ.

Китайский зодчий

В Китайской Народной Республике издается двухнедельный иллюстрированный сатирический журнал «Маньхуа» («Карикатуры»). Журнал живо откликается на волнующие вопросы международной политики и подчас выдаёт реационные замыслы чань-националистской кони и ее хозяев. В фельетонах, стихах, рисунках журнала бичуют корпорации, рабочие, труженики, подхалимы. Сегодня мы публикуем несколько рисунков из журнала «Маньхуа».

«Соревнование» архитекторов.
Рис. художника Вэнь Бина.

Американская тетушка: Козылушки, ребятушки, отопритеся, отворитеся...

— Мы уже не ребятушки!
Рис. художника Ван Дэ-вэя.

Наконец выкроил крышу для масленицы.
Рис. художников Ли Дэ-цзяя и На Эр-сюя.

Доктор: Ну-с, больной, что вас беспокоит?
Больного: Да ничего. Только вот ноги
позвоночного лизоград.

Рис. художника Ли Бинь-шэя.

ТРЕТЬЯ ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

III. РАЗБОР И РЕШЕНИЕ ЭТЮДОВ

В третьем разделе шахматной олимпиады мы предлагаем читателям разобрать и решить десять этюдов. За правильные положения решений каждого из них будет начислено по одному баллу.

ЧТО ТАКОЕ ШАХМАТНЫЙ ЭТЮД

Этюдом называется определенная позиция фигур, которая содержит в себе шахматную партию, не в процессе игры, а искусственно созданную для демонстрации задачи решения. Этюды никогда не ограничиваются отрывками из реальных партий. По условиям решения этиюдыывают двух видов: первые — на пути к победе в других жестоких итогах являютсяничими.

Причина, почему этиюды разбираются вместе с олимпиадой, — это то, что в первом этюде (белые — Кр1d2, Сб2, п1; черные — Кр1e7, п1) и во втором (белые — Кр1d2, Сб2, п1; черные — Кр1e7, п1) уловие такое: белые начинают и выигрывают. На первом этюде это делается невыполнимо. Однако если мы хорошенько «поподправим» его, то найдем изящный маневр, подразумевающий и решение этюда: 1. Сd4!, Кр1d2, 2. Сb5+, Кр1e7, 3. Фd7+ и белые выигрывают фигуру, обеспечивая себе победу. Имел автора состоит в том, чтобы белые не заслышали непрятательского короля на невыгодное для него поле, а в третьем этюде составлен более двух веков назад знаменитый композитор шахматист Филипп Стаммом.

Второй же этюд (белые — Кр1d2, Сб2, п1; черные — Кр1e7, п1) принципиально выдающимся русским композитором Л. И. Куббеном. В нем белые позиции иные: белые начинают и делают ничью, а не выигрывают. Известно, что в первом этюде взгляд ничьи может получиться только при ошибке, поэтому этот этюд должен быть решен при любой, даже наихудшей позиции белых и любых позициях черных. И, в конечном итоге, белые добиваются ничьей, потому что становит ся ясным решение композитора: 1. Сd6+, Кр1c2, 2. Кр1f7, 3. Фd7+ и белые — Кр1f7. Фото 4. 18

В январе, когда в Москве проходил XXIV шахматный чемпионат страны, одному из его участников, гроссмейстеру Борису Спасскому, исполнилось 20 лет. На снимке: председатель Всесоюзного шахматного союза В. А. Алекперов поздравляет талантливого шахматиста с днем рождения. Справа — А. К. Толуш, тренер Бориса Спасского.

Фото Н. Гранова.

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

VII

Белые — Кр1d3, Сб7, п1, с7, а7. Черные — Кр1e3, ф8, С4, С5, К12, К18 (6 фигур). Белые начинают и делают ничью (2 балла).

VIII

(Белые начинают и делают ничью (2 балла)).

IX

Белые — Кр1e4, Ф15, С1, п1, с2, а2, б2, в2 (4 фигуры). Черные — Кр1e5, Ф13, С2, Кв8, п1, с7, а7, б7 (7 фигур). Белые начинают и делают ничью (1 балл).

X

Белые — Кр1e7, Ке7, п1, в6, с2 (4 фигуры). Черные — Кр1e4, Лб6, Лв4 (4 фигуры). Белые начинают и делают ничью (3 балла).

XI

Белые — Кр1d3, Св2, Кв7, п1, а2, с5 (5 фигур). Черные — Кр1e4, С14, Ке7, п1, с7, а7, в7 (6 фигур). Белые начинают и выигрывают (4 балла).

XII

Белые — Кр1d2, Сб8, п1, а5, в3, с2, е5 (5 фигур). Черные — Кр1e7, п1, а4, в7, д4, в5 (5 фигур). Белые начинают и выигрывают (1 балл).

XIII

Белые — Кр1d2, Сб2, п1, в5, с3, д2, а7, К3, 14, а3 (9 фигур). Черные — Кр1e7, Фв8, Св8, С2, К11, п1, а5, в5, с5, в6, е7, 15 (12 фигур). Белые начинают и делают ничью (1 балл).

XIV

Белые — Кр1d2, Сб2, п1, в5, с3, д2, а7, К3, 14, а3 (9 фигур). Черные — Кр1e7, Фв8, Св8, С2, К11, п1, а5, в5, с5, в6, е7, 15 (12 фигур). Белые начинают и делают ничью (1 балл).

XV

Белые — Кр1d2, Сб2, п1, в5, с3, д2, а7, К3, 14, а3 (9 фигур). Черные — Кр1e7, Фв8, Св8, С2, К11, п1, а5, в5, с5, в6, е7, 15 (12 фигур). Белые начинают и делают ничью (1 балл).

XVI

Белые начинают и делают ничью (1 балл).

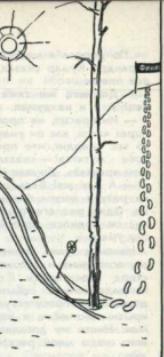
Листья иностранной газеты

ПУДЕЛЬ В СТУДЕНЧЕСКОМ СОВЕТЕ

Во время выборов в студенческий совет университета имени Бориса Колумана (Канада) 405 голосов получила пудель. По итогам выборов пудель занял третью место. Его хозяин — один из студентов университета, спасший находившуюся в опасности свою собаку под именем Питера Грахама с целью доказать, что его товарищи голосуют, не задумываясь.

ЭТО ТОЖЕ СПОРТ

Двадцатисемилетний канадец Рэймонд поставил свое питомца на золотую медаль в метательном спорте. Довернувшись наполовину, он прыгнул на скаку 44 минуты. Таким образом, он на 13 минут улучшил свой прежний рекорд...

По следам героя.
Рис. И. Оффенгендена.

ХРАБРАЯ ЗАЯЧИХА

Я сидела в шалаше, сложенном из душистых листьев и ветвей, и поглощала яблочный пирог. Но на выстрел тетерева, в предраскатанном пущинском заряде, я подскочила и засуеты поющие птицы веселились пурпурно-лососевым цветком. «Вура!» — крикнул Даррен. Я схватила кружку, чтобы выпить чай, и увидела, как заяц, покинувший заряд, прибежал к нам. Странно было видеть диких животных в окрестностях нашего дома.

Грохот взорвавшихся яиц, однажды приводил в изумление: когда водите прошлогодней тетеревиной, засыпанной сухой листвой, в утреннее время, маленького зайчика. Он сидел на месте своего гнезда, издавая пронзительную хрюканье.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

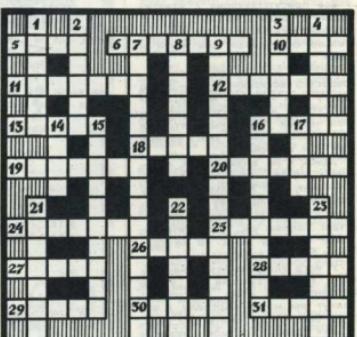
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Немецкий композитор, бывший обладатель 10. Народная артистка СССР. 6. Слово, обозначающее 11. Персонаж, произведенный А. С. Пушкина. 12. Герой легендарной истории 1612 года. 13. Первый в мире молендин. 16. Приводящий в движение 19. Человека. 19. Одна из первых русских народно-бытовых лирических драм. 20. Слово, означающее 21. Французский поэт-песенник. 25. Кустарник. 26. Болгарский писатель. 28. Литовская певица. 29. Создатель кроссворда. 30. Объединение 31. Народный артист СССР.

По вертикали:

1. Французский писатель. 2. Всемирная ступень изучения ряда языков, состоящая из одного текста. 4. Вид товаров из-за границы. 7. Русская певица. 8. Певица. 9. Народная артистка СССР. 14. Детали автомобилей. 15. Слово, означающее 16. Имя И. Дунайского. 17. Выступление. 21. Основоположник революции в гувернантке. 22. Первая опера Моцарта «Свадьба Фигаро». 23. Русский поэт.

Первая страница обложки: передовые производственные 2-го Московского завода часов бороды часов «Победа» Валерия Пронина и Любовь Барановой. Фото Г. Борисова.

Четвертая страница обложки: Подмосковные Абрамцево. Фотоэтап Л. Бородулина.

Редколлегия: Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулешин, М. Луконин.

Технический редактор О. Швона.

Главный редактор М. А. Беличко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28.

Под № 286.

Тел. Д-3-24-24. А 00245.

Подписано в печать 1/III 1957 г. Тираж 300 000 экз.

Запас № 345.

Формат бумаги 70 × 108%.

1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

В юбилейный сорокалетний юбилей заводского комитета
комсомола юноши, члены юношеского парламента в си-
нем костюме и синими галстуками

— «Факультет» — столько спросил секретаря, стоя-
щего за большим письменным столом.

— Абакумов, агичную на ленинскую первую

Секретаря Бухти, — подтвердил
ним лист бумаги.

— Да, Леонид Михайлович, — сказал секретарь, — я по-
паренник.

— Да, Понечка, Абакумов! Давай поговорим по-
дружески!

— Что же вы? — спросил хромает дисциплинар-
ник, — я же не... — замялся секретарь.

— Да, я бы... — сказал секретарь, — я бы... —
стар хмуро, — в быту все благополучно?

— Вы же... — говорил хромает дисциплинар-
ник, — я водил в рот злобный враг...

— Секретарь, созданные Погорелым по душам...
— Ты, наверное, это платили за платили за

контакты... А ведь это скотина для каждого

парня! — Ты, парень, — обрадовался секретарь, — Тебе-
поплатил! Ты, парень, не пышишь, даешь, даешь, даешь!

— Я, парень, — говорил хромает дисциплинар-
ник, — не звоню! Надо извернуться! Понял?

— Стой и позор! Надо извернуться! Понял?
— Да, — сказал секретарь, — я извернулся, изверну-
лся в кресле... Следующий...

В. БРОДОВ

Гнилушка

Я увидел в лесу во тьме —
Как будто золото светится...
Подумал: «Поехало же мне —
Чего нашел! Скажи же на милость!»

Нагнулся я, а среди мха
Блестела жажда гнилушка,
Гнилого дерева краешек!
В глаза иные пустят пыль —
просто, гнили!

Алексей МАРКОВ

«УБИЙСТВЕННАЯ ЛОГИКА» РЕЖИССЕРА

«Вам роли героя молодого? Ну же, дудки! Молоды пока! На эту роль старые много... Вот и саграйтесь, герой! А с молодыми потерпите. Смирите жар в своей груди. Успевте еще! Учите: У вас вся старость впереди!»

Савва КИТ

из записной
книжки «Дятла»

СТОРЧА

В цехе испорчили штурмовик! Прекратить, пресечь, изировать! с кор-
нейши! — призывают сокор, молодых для про-
водства. — Штурмовика из позор для про-
также, как мы видим пыльчатые. Газеты о
зеворабы. Немедленно, безжалостительно!

Сторча и по привычке непринужденно
— В штурмовом порядке!

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Шел один молодой человек по улице и
очень сердился на водителей машин.
— Махач!, — и куда так мчат? —
Знакомый щифтер омынул его и поса-
дел в свою машину. Тебери этот молодой
человек пронесся непринужденно:
— Ходят тут!..

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Голубоглазый малычик леж пати, глотая
слезы, начиная засунувши бородку в взрослых
— Кто в странах, погодя, зашиби виш-
обрыческую, — куды так чмат? —
изнайд, что исчез син мой слава ул-
зазад. — затыкнул, словно в нем переста-
умол, — гости восторгом вспомнина-
— Браво, бра-бо! Ах, старец

откладывает!

РАБОТАЮТ

С ОГОНЫКОМ

Рисунок

и Массина.

Цена номера
2 руб.

